

АББРЕВИАТУРА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

В. А. АЛЕКСЕЕВ

12+

Валерий Александрович Алексеев

Аббревиатура

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66768188

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта книга представляет из себя сборник рассказов-воспоминаний о разных годах и событиях. Нечто вроде альбома с акварелями на обычные будничные темы: воспоминания о работе советского инженера на производстве, байдарочные походы, горные лыжи, автомобильные путешествия, Альпы и Крым, 21 век и начало 60 годов 20 века. Жанр короткого рассказа, написанного с ностальгией, легким юмором и своеобразной поэтикой.

Валерий Алексеев

Аббревиатура

*Годы быстро пролетели
В ипостасях и в труде
Были разными те годы
Были те или не те
Было время, когда камни
Чтоб по жизни разбросать
Но теперь настало время
Эти камни собирать!*

Жизнь в памяти – цепь разных событий. Память избирательна. К счастью, забавные события запоминается лучше, а иногда, со временем они кажутся даже более смешными. В основе каждого рассказа лежат события, участниками в которых был я или мои близкие друзья.

Как-то летом, возвращаясь с работы, ехал по внешней стороне МКАД. Вижу на встречной полосе дороги автоинспекторы, притаившись в кустах, меряют скорость. Движимый водительской солидарностью, подмигивая фарами, я предупредил водителей о засаде. Однако при этом недооценил изобретательность автоинспекции.

На моей стороне дороги, в кустах притаился ещё один инспектор. Выскочив из-за кустов, он остановил меня, взял

документы и стал их внимательно изучать.

– У вас с машиной всё в порядке? – задал он мне вопрос.

– Всё хорошо – ответил я.

– А почему мигали? – продолжил он.

Все это было несколько неожиданно для меня, и я ничего лучшего придумать не смог, как ответить предельно честно:

– Чтобы машины снизили скорость и соблюдали скоростной режим.

– А вы видели, что инспекторы меряют скорость? – продолжал он допрос.

– Я всегда подмигиваю машинам, которые едут слишком быстро. И когда меряют скорость, и когда нет. Водители снижают скорость. Ведь это хорошо! Я думаю, что так я помогаю нашей славной автоинспекции.

– Это не положено! – отдавая документы, назидательно ответил инспектор.

– Хорошо, я больше не буду.

– Да, ещё вот что – продолжил инспектор – вы не пробовали писать фантастику? Мне кажется, у вас получится. Счастливого пути в литературу!

Так вот он, мой крёстный отец в литературу! Тихо сидел в засаде и ждал своего часа. Мало того, что жена и друзья, когда я им рассказывал свои истории, подталкивали меня «напиши, да напиши». И этот туда же, подумал я попросившись с инспектором. Да ещё фантастику. Я её даже про-

бовать не буду, это не моё.

Хорошо писателям! Они, погрузившись в свои мысли, томно прикрыв глаза и попыхивая трубкой...обмотав небрежно шею белым шарфом, чтобы было видно окружающим, что вот он – писатель... ловить вдохновение на берегу под шум моря, или наоборот, созерцая под ярким солнцем белые шапки гор...эээ, окружившие голубое до синевы озеро с пальмами на берегу и со скользящими по его глади белыми яхтами! А тут работа, да работа! С утра до вечера. И на даче не отдохнёшь. Я курить-то не научился и шарфа белого у меня нет.

К этому же я вспомнил как преподаватель с военной кафедры, когда мы брались за ручки, чтобы записывать военные мудрости, говорил нам:

– Не забывайте, что бумага ценится до тех пор, пока она чистая. Берегите бумагу!

Так думал я, продолжая ехать. И родилось у меня в дороге стихотворение, как говорится, на злобу дня:

*Мы славно в жизни покутили
Но время не воротить вспять
Пустой посуды накопили
Пора идти её сдавать!
Иду, ногами загребая
Под грузом сгорблена спина
Но лишь одно меня терзает*

*Зачем мне жизнь была дана?
Мне жизнь дана, чтобы работать
Или работать, чтобы жить?
Вот эти вечных два вопроса
Так и не смог я разрешить!*

Вот так-то. А вы? Смогли?

Позже, гораздо позже, когда я, вспоминая инспектора, решил кое-что написать, то подумал, что, во-первых, из своей писанины я не собираюсь извлекать материальную выгоду, а во-вторых, бумага по большей части тоже останется чистой, так как я уже давно всё пишу на компьютере, а публиковать если и буду, то в Интернете.

Инициатива наказуема.

В 1988 году наше предприятие совместно с Саратовским агрегатным заводом (САЗ) должно было завершить изготовление сложных оптико-механических комплексов на боевых подвижных носителях. Наступил декабрь месяц. И вдруг меня вызывает главный инженер и говорит:

– САЗ не успевает закончить сборку машин для совместных с армией испытаний. Там четыре редуктора, из которых два сложных, мы их ещё ни разу не делали. Завод просит на сборку ещё полгода. По этим машинам есть решения воен-

но-промышленной комиссии и приказ министра. Изготовление – конец года. Может быть, ты возьмёшься со своими ребятами, у тебя ведь классные специалисты... Комплектация там вся есть и военным сдавать не надо. Хотя это и не ваше дело, но больше некому. Давай, выручай!

– Мне надо посоветоваться с ребятами.

– Давай, только быстро, ответ нужен сегодня.

Мы посоветовались и согласились. Вышел приказ директора, обязывающий нас(а нас вместе со мной было пятеро) выехать в Саратов на сборку редукторов. На следующий день я уже пожалел о согласии. Во второй половине дня мне по прямому телефону позвонил возмущённый директор:

– Вы ещё не уехали?

– Борис Иванович, вы какую задачу перед нами ставите?

Немедленно выехать или собрать редуктора?

– Естественно собрать редуктора!

– Тогда мы сами решим, когда нам выехать. Сейчас мы подбираем комплект документации, подбираем нужный инструмент, билеты взяли на четырнадцатое.

– Ну, смотрите, если что будем спрашивать с вас!

Звонок директора застал нашу команду инженеров сборщиков за изучением чертежей. Толя Виноградов и Володя Кулешов прокомментировали разговор:

– Не делай добра, не получишь зла!

На САЗе нас ждала ударная, почти круглосуточная работа и спартанские условия жизни. Самое привилегированное жильё было у меня: отдельный номер – подсобка в директорской гостинице с большой горой стирального порошка в центре комнаты. Спать там можно было только предварительно проветрив помещение и с открытыми на ночь форточкой и дверью. Мы приезжали на работу с первым трамваем, а уезжали с последним. У работников цеха создалось впечатление, что мы вообще не уходим с работы. И на самом деле это было недалеко от истины.

Руководство завода не очень-то радовали наши успехи по сборке редукторов, ведь они-то, ссылаясь на сложность работы, просили себе полгода. Поэтому, в силу своих возможностей, они иногда подтормаживали наше рвение. То у них нет контровочного клея, то сухого льда, а приобрести в kiosках мороженого – идите куда хотите и покупайте сами.

Пришлось взбодрить руководство завода через их главк из Москвы. Понятно что дружбы нам это не добавило. В итоге за четыре дня до Нового Года мы собрали и обкатали редуктора, но наша радость была недолгой – позвонил начальник и сказал, что их всё-таки надо сдавать военной приёмке. И это оказалось не всё!

Накануне вечером в цех пришёл разработчик с главным конструктором комплекса и сказали, что в конструкцию самого сложного волнового редуктора вкралась ошибка: окно в корпусе редуктора для зацепления с шестерней башни сде-

лано не с той стороны и его надо переделать. А это означает, что редуктор надо разобрать, отправить корпус в механический цех на доработку, затем повторить сборку, обкатку и сдачу приёмке. А времени-то нет.

После короткого совещания в узком кругу Толя Виноградов предложил договориться с начальником цеха, чтобы нам дали доступ к расточному станку до утра. Расточить квадратное окно на цилиндрической поверхности, под которой на расстоянии нескольких миллиметров располагались тонкие зубья внутренней шестерни – ювелирная работа! Да ещё не дай Бог, чтобы стружка попала внутрь редуктора. Но не зря ведь наша команда состояла из инженеров с «золотыми» руками. К утру работа была сделана и мы успешно сдали военной приёмке все изделия. В награду весь коллектив, закупив билеты в баню третьего разряда (другие билеты достать не удалось), отметил завершение эпопеи.

Такой бани я не видел даже сразу после войны. Бой в Крыму, всё в дыму, т.е. в пару и ничего не видно ни в бане, ни в предбаннике. Вместо душа – здоровенный шланг, из которого поливают друг друга.

Когда вернулись в Москву, то никто из руководителей – ни непосредственный начальник, ни директор – ни премии, ни спасибо. Мой друг и коллега Саша Бакеев, отметив это, сказал:

– Ты сам лопухнулся. Сидел на золотой жиле, а приехал

ни с чем.

– Где это-то там была золотая жила? Там даже жрать было некогда.

– Ты сам говорил, что спал в подсобке, где стиральный порошок был насыпан горой. Мог бы себе и мужикам набить по рюкзаку порошка. Вот вам и премия, а то всё от начальства ждёшь! Великий Мичурин что говорил? Не надо ждать милостей от начальства, взять их самим наша задача! Вот так-то, Валера.

– Знаешь, Саша, на САЗе работают хорошие люди. Когда мы закончили работу начальник инструментальной кладовки пригласил нас к себе на склад. Кладовщице, своей подчинённой, он сказал:

– Эти ребята так работали! Я давно не видел такой работы! Дай им на память любой инструмент, который они захотят.

– И что выдала?

– Выдала. Конечно, не электроинструмент. Я, например, взял себе набор надфилей.

– Ну, тогда другое дело, на кой хрен вам стиральный порошок. Инструмент – лучше, хотя будь моя воля, я бы взял и то, и другое.

2. Страховое дело.

Ежегодно ближе к концу сентября к нам на дачный уча-

сток приходила одна и та же женщина – страховой агент. Мы за небольшие деньги на небольшую сумму возмещения страховали свои постройки – как она говорила, практически от всего. Так шли год за годом, мы привыкли и полностью ей доверяли. Нас устраивала эта, в общем-то, не обременительная осенняя процедура. Она, понимая, что перед отъездом у нас много хлопот и времени в обрез, приносила уже заранее заполненные бланки, которые мы не глядя подписывали, отдавали деньги и расставались до следующего года. С надеждой, что обращаться в страховую компанию нам всё-таки не придётся. Так было и в этот раз.

Однажды она появилась в обычное горячее время и сказала, что теперь представляет новую страховую компанию «Югория». Эта компания гораздо лучше и надежней прежней, и хоть она нас страхует чуть-чуть дороже, но зато с большей страховой выплатой и, также как и прежде, от всех случаев, что в страховом свидетельстве записано обобщённо – цифрой три. Об этой компании вы наверняка слышали по телевизору, добавила она. Мы, пенсионеры, посетовали на приличное, с нашей точки зрения, увеличение стоимости полиса, но с другой стороны рассудили, что выплаты в случае чего в разы больше и успокоились.

На следующий год ближе к концу дачного сезона мы, готовясь к встрече с нашей близкой уже знакомой, преодолев лень, прочитали скучное содержание полиса. Но как не старались найти там случай три – сделать этого не смогли. Зато

там были случаи, обозначенные заглавными буквами: А, Б, В, и так далее, в том числе случай З(но никак не три). Когда мы прочитали, от чего же в итоге застраховали своё дачное имущество, то оказалось, что от «ущерба, нанесённого падением летательных аппаратов».

Слава Богу, нам не пришлось уже в практически прошедшем страховом году обращаться в «Югорию», поэтому нас такой «развод» повеселил. К тому же Лариса (моя жена) вспомнила, что на космодроме в это лето при запуске произошёл сбой, и какая-то часть ракеты упала в далёком сибирском посёлке на улице «Космонавтов» и попала точно в крышу дома. Этот случай показывали по центральному телевидению. Посмеявшись, мы решили, что с точки зрения времени и пространства застраховались очень удачно, по времени вообще точно – тютелька в тютельку, а по пространству тоже неплохо, ведь ракета-то упала в нашей стране, а не на другом континенте где-нибудь в Азии или Африке.

Поэтому, когда осенью страховая дама пришла к нам с подготовленным страховым полисом, повторяющим прежний, мы попросили её так называемый «случай три» расшифровать дополнительно всеми, упомянутыми ей страховыми случаями, то есть буквами от А до З. На что она сказала, что ну её, эту компанию и есть у неё кое-что получше. И тут же, как факир из рукава, достала новый бланк.

Не поленившись и на этот раз, мы прочитали условия и главное – мелко написанный текст в конце договора, где чер-

ным по белому было написано, что страхованию подлежат дома из бруса не старше 10 лет. Тогда мы спросили эту даму, знает ли она сколько лет нашему садовому товариществу и соответственно домам. Тут она, обидевшись, спросила:

– Так вы что, не намерены что-ли страховаться? Давайте застрахуем ваш дом как будто он прошёл капитальный ремонт.

Мы возразили: – А как мы докажем этот ремонт в страховой компании?

– Ну, это когда будет? А может быть и не понадобится вообще – пыталась усыпить нашу бдительность страховая дама.

– Давайте подписывайте, у меня мало времени – настойчиво продолжила она. Мы сказали: – Нет!

– Но у меня есть ещё компании, я готова вам их предложить.

Раскрасневшись, она стала вытряхивать из своей сумки на стол какие-то бланки. Мы твёрдо сказали:

– Нет, нет и нет!

Эта атака напомнила нам известный сюжет из поэмы «Мёртвые души». Помните:

«Ноздрев вспыхнул и подошел к Чичикову так близко, что тот отступил шага два назад.»

– Я тебя заставляю играть! Это ничего, что ты смешал шашки, я помню все ходы. Мы их поставим опять так, как были.»

– Нет, брат, дело кончено, я с тобою не стану играть.

– Так ты не хочешь играть?

– Ты сам видишь, что с тобою нет возможности играть.

– Нет, скажи напрямик, ты не хочешь играть? – говорил

Ноздрев, подступая еще ближе.

– Не хочу! – сказал Чичиков и поднес, однако ж, обе руки на всякий случай поближе к лицу, ибо дело становилось в самом деле жарко.»

И вот, когда мы решительно и последовательно отказались, наша партия перешла в эндшпиль. Она сказала, что мы дачные сморчки, скряги и не хотим поддержать её лично и страховые компании. Из-за таких как мы в нашей стране страховое дело никогда не поднимется и не достигнет европейского уровня. Из-за нас она потеряла, как она сказала, «кучу времени и денег на поездки в нашу тьмутаракань и перепортила кучу бланков». Так понемногу она ввела себя в раж, лицо её покраснело, и, нервно сгребая со стола свои бумаги, она закончила встречу словами:

– Харизму бы вам начистить за это!

Из окна было видно, как страховая дама нервно двинулась в сторону калитки. У калитки она остановилась, повернулась в сторону дома и смачно плюнула. Потом, перекрестилась, пнула ногой калитку и быстро зашагала прочь.

На этом наша многолетняя «дружба» закончилась, и мы больше её никогда не видели. Но, вспоминая великого Гоголя, мы подумали, что если бы у страховой дамы было побольше сил, то в борьбе за подъём страхового дела в стране, она и вправду начистила бы нам *харизьмы* или, выражаясь проще и по-современному, надавала бобов.

3. Манихинский жокей.

На горнолыжной базе в Манихино по выходным дням собиралось много горнолыжников – работников предприятия, их чад и домочадцев. Заметный десант горнолыжников высыпал из электрички и дружно шагал через посёлок, берёзовую рощицу и овраг к базе.

Раньше всех на базу приходили Миша и Ира, у которых там же в посёлке недалеко от базы была дача. К моменту подхода «основных сил» дорожки к зданиям были расчищены и музыка, которую включал Миша, была слышна издалека. В хорошие солнечные дни база была загружена «под завязку»: все служебные помещения и раздевалки были заняты. Перед включением подъёмников все были обязаны дружно отработать «трудовую повинность» – протоптать склоны, чтобы разбить и выровнять их после насыпавшего недельного снега.

На первом этаже двухэтажного домика постоянно хлопала тяжелая металлическая входная дверь – входили и выхо-

дили горнолыжники. На длинных столах раздевалки стояли привезённые с собой термосы, лежали бутерброды и прочая домашняя снедь. Напитки, содержащие градусы, припрятанные в рюкзаках, дожидались отключения подъёмников и завершения катанья. В раздевалках становилось шумно и весело. Все ожидали этих выходных и с удовольствием приезжали туда. Некоторые приезжали на машинах с малыми детьми и с домашними животными, а некоторые с собачками даже на электричках.

Дети моего друга Валентина, основателя базы и её, по общему признанию, руководителя, приехали, как обычно, с маленьким сыном, собакой внушительных размеров по кличке Нильс – ньюфаундлендом, и пушистым боевым котом Росиком к базе на своей «Ниве» и дружно вывалили из машины.

Нильс предпочитал бегать по склонам. Характер у него был мирный и его, несмотря на размеры и громкий голос, никто не боялся. Кот же сразу нырнул в раздевалку и забрался на самый верх электрического шкафа, и лежал там, в тепле и покое.

Горнолыжники не доставляли ему беспокойства, он привык к этому шуму. Как говорили его хозяева, кот был смелым и нахальным, так как вырос в неравной борьбе с собакой внушительных размеров. Дома его любимым местом был угол квартиры, что позволяло ему контролировать кухню и коридор. Когда на кухне клали корм Нильсу, кот успе-

вал к миске раньше собаки. Пока Нильс добирался до кухни, Росик успевал «снять сливки» с собачьего блюда. Нильс не успевал наказать воришку, так как тот быстро нырнул в окошко, сделанное специально для него в туалетной двери. Нахальство, смелость, хитрость и быстрота были его оружием.

В тот день, о котором этот рассказ, горнолыжница Женя приехала ближе к середине дня со своей звонкой собачкой пуделем. Собачка, радостно виляя хвостом, забежала вслед за хозяйкой в раздевалку, сделала круг по комнате и вдруг увидела кота, вальяжно развалившегося на электрическом шкафу.

Вид кота немедленно привёл её в сильное возбуждение и она, оглушая всё помещение звонким лаем, подпрыгивая возле шкафа, всем своим видом показывала свой боевой настрой и кто здесь хозяин. Кот как лежал, так и продолжил лежать – он даже ухом не повёл. Только раз, когда ему надоел этот лай, он нервно дёрнул хвостом, что на собачьем языке «шариковых», видимо, означало «отлезь, гнида!» Наконец, налаявшись до хрипоты, пудель потерял интерес к коту и отвернулся от шкафа. Видимо, этого момента и ждал Росик. Неожиданно для собачки, её хозяйки и всех, кто был в комнате, кот спрыгнул на спину собаке.

Собака, взвизгнув от неожиданности, проявила такую силу, что ударом открыла тяжеленную дверь и вылетела на улицу. Оглашая окрестности воем, она понеслась галопом, пытаясь на ходу сбросить с себя это чудовище, приносящее

ей боль. Кот, как заправский наездник, крепко вцепился в спину собаки передними лапами и зубами, с поднятым трубой хвостом, прижавшись всем телом к её спине, прищипывал своего скакуна острыми когтями задних лап. Он, как настоящий жокей, крепко сидел, прижавшись к спине воющей собаки, и даже на поворотах не вылетал «из седла».

Пуделю, наверное, казалось, что сам дьявол оседлал его. Все горнолыжники с нескрываемым изумлением смотрели на этот, достойный самых лучших цирковых площадок, номер. Одна только Женя пыталась помочь своему питомцу. Но где тут! Когда в очередной раз обезумевшая собака проносилась мимо раздевалки, кот прыгнул с её спины, нырнул внутрь, залетел на шкаф и занял прежнюю позу.

Женя поймала трясущуюся от страха и боли собаку с разодранной до крови спиной. И когда с ней на руках она хотела войти внутрь раздевалки за своими вещами, собака с воем стала вырываться у неё из рук. Пришлось помочь Жене, принести её вещи и она с собакой на руках пошла на станцию. Больше с собакой она уже никогда не приезжала независимо от того есть там кот или нет.

Кот же получил почётное звание «Манихинский жокей».

4. Главный бухгалтер.

Галина Александровна была главным бухгалтером крупного научно-производственного объединения. Нам ка-

залось, что профессиональная работа была смыслом её жизни. Несмотря на то, что в подчинении у нее было много сотрудников бухгалтерии и финансового отдела, хорошо оснащенных компьютерной техникой, в кабинете у неё на столе всегда лежали счёты, с помощью которых она перепроверяла своих сотрудников.

Выросшая и воспитанная в строгой системе социалистического реализма, она была полностью адаптирована к ней. Идеологический мир Галины Александровны был чётко разделён на своих – социалистических, и чужих – врагов/буржуев.

Всегда одетая в строгий костюм, с гладкой причёской черных с проседью волос, стянутых на затылке в пучок, она также строго относилась к нам – сотрудникам предприятия, не допуская внепроизводственных разговоров, тем более анекдотов и особенно на политические темы. Она, как красный бухгалтер, находилась в полной гармонии со временем.

В штате крупного объединения был заместитель генерального директора по экономике и планированию – Василий Емельянович. Он строго следил, чтобы запланированные затраты были проведены, а Галина Александровна – чтобы были выполнены только те затраты, которые она считала первоочередными. Имелся очевидный конфликт интересов, иногда переходящий на личности. Во время одной из регулярных схваток Василий Емельянович позволил себе на-

звать Галину Александрову «мадам».

– Ах, я мадам! Я – мадам!?! За мадам ты, гад, ответишь! Я тебя на партком выволоку, там тебе врежут! Тогда увидим, кто мадам, а кто ты, скотина!

Позже, в девяностых годах объединение было разделено на ряд дочерних предприятий, в которых появились свои руководители и бухгалтера, однако вертикаль управления была сохранена. Мне, как директору дочернего предприятия, позвонила Галина Александровна и попросила данные для сводного бухгалтерского отчёта. Это поручение я переадресовал главному бухгалтеру нашего предприятия Ольге, совсем молодой девушке, ещё набиравшей опыт работы. Она, в силу своего характера, стала упираться, говорить, что задание ей непонятно. Тогда я рассказал старый анекдот:

«В ЖЭК из ремесленного училища на практику направили ученика. Старый опытный мастер сказал практиканту: "Теориям пусть учат там у вас в ремеслухе, а здесь ты будешь изучать настоящее дело. Сейчас пойдём на участок, там прорвало канализацию." Пришли на место, там в колодце полно говна, по-научному фекалий. Мастер опустил в колодец и оттуда кричит практиканту: "Подай газовый ключ третий номер!" Затем: "Подай хомут на сто миллиметров!" Короче подай то, да подай сё. После этого вылезает из колодца и говорит: «Всё сделано. А ты, сынок, учись, не то так и будешь всю жизнь ключи подавать!»»

Так что я сказал Ольге:

– Иди, к Галине Александровне учись, а то так и будешь всю жизнь ключи подавать! Галина Александровна супер профи и у там есть чему учиться, хотя характер у неё непростой, прямо скажем.

– Я думаю, когда ты достигнешь возраста Галины Александровны, то видимо будешь такой же сволочной дамой, как и она! – завершил я разговор.

Вскоре довольная Ольга вернулась из центральной бухгалтерии и рассказала, что очень хорошо пообщалась с Галиной Александровной.

– Когда я ей передала ваше мнение, что с годами я буду такая же сволочная, то она обняла меня как дочь. И добавила:

– Оля, если бухгалтера называют сволочью, то это дорогого стоит. Это значит, что она очень хорошо, правильно ведёт свои дела. А главный бухгалтер, Оля, это не просто сволочь, это БОЛЬШАЯ сволочь. А не какая-то тебе мамзель-мадам!

5. Портвейн 777.

Часто ли вы обращали внимание на то, как мы выглядим на даче? Особенно мужчины. На одежду, обувь, степень небритости? Однажды, когда я собирался съездить на своей машине в районный центр, то пригласил пенсионеров: своего соседа с его женой. Они охотно согласились и стали

быстро собираться. Я подкатил к их даче. Вышел мой сосед в мятых дачных штанах, сандалиях на босу ногу, в ковбойке, как и был заросший, с большой бородой и усами. Ходил плохо, слегка шатаясь после перенесённой болезни. Я попытался обратить его внимание на внешний вид:

– Саша, ты там, в городе людей распугаешь.

Он отвечает:

– Я выходить из машины не буду, всё будет покупать Люда.

Вышла жена Люда, одетая по-городскому, и поехали. В райцентре быстро закупили продукты, Саша ждал нас в машине. На обратном пути я вспомнил, что по пути ведь есть маленький магазинчик в посёлке, где я видел напиток нашей юности – портвейн 777, называемый в народе "Три топора". Да ещё и по цене 57 рублей за бутылку, то есть почти даром. Портвейн я обычно, кроме подарка, дарил моему другу на день рождения для хохмы. Мы остановились у магазинчика, на этот раз со мной пошел мой сосед. Я купил портвейн и мы сели в машину. Сосед говорит жене:

– Люд, купи и мне бутылку портвейна, пусть будет дома на всякий случай.

Сам он, как я говорил, по причине перенесённой болезни совершенно не пил. Люда пошла в магазин и скоро вернулась без покупки. Я пошутил:

– Что не продали, показалась, что нет восемнадцати лет?

Она отвечает:

– Я попросила бутылку портвейна за 57 рублей. А за мной стоял мужчина, который говорит:

– Вы что, женщина, его же нельзя пить, это бормота.

А я ему:

– Сейчас только что мой сосед купил здесь бутылку этого портвейна.

– Да вы что? Он же не себе купил, он купил этому алкашу, ну, короче, тому бомжу, который был с ним.

Мы от души посмеялись и высказались в том смысле, что на даче наш привычный облик мало отличим от облика бомжей, которых мы встречаем в городе. Вот так-то.

6. Лекарство, оно же закуска.

В конце восьмидесятых годов мы активно вели работы под Ленинградом в посёлке Капитолово на предприятии ГИПХ. Работа шла непрерывно, поэтому наши сотрудники приезжали из Москвы, сменяя друг друга.

В тот день, о котором этот рассказ, уезжал один главный специалист – Николай Петрович, человек уже немолодой, больной, перенесший инфаркт. Его менял более молодой сотрудник, тоже главный специалист Владимир Григорьевич – ещё не перенесший инфаркт. Накануне вечернего отъезда Николая Петровича в Москву они целый день провели на предприятии в Капитолово, передавая и принимая

дела.

Решили, что вечером Владимир Григорьевич поедет провожать коллегу на Московский вокзал. Им повезло, в ближайшем магазинчике "выбросили" водку, информация об этом быстро распространилась среди сотрудников ГИП-Ха. В то время она была дефицитом. Петрович со словами: – Володь, расхватают! – пулей рванул в магазинчик.

Он взяли три четвертинки из расчёта: одну себе в поезд, другую Владимиру Григорьевичу домой в гостиницу, а третью – выпить на вокзале, отметить успешное завершение командировки с пожеланиями всего доброго. На вокзал приехали загодя.

Раздобыли стаканчики, нашли укромный уголок. Стали разливать, а где же закуска? Вспомнили, что в суете про закуску-то и забыли – как говорится, у семи нянек дитя без глаза. Но Петрович человек бывалый, говорит:

BAZEWSKI

VODKA

MONOPLOW

1782

BAWLECA

– Давай, разливай, всё о'кей.

Разлили на двоих, выпили. Петрович достаёт пластинку валидола, закусили по таблетке. Оказалось – хорошая закуска. Поговорили о том, о сём. Николай Петрович говорит:

– Володь, хрен его знает, кто там будет в купе, давай грохнем и мою.

Разлили вторую, закусили валидолом. Тут Петрович вспомнил, слышанную им от кого-то байку, про народного артиста Массальского, который с другом после спектакля заходил в ресторан при гостинице «Савой» и всегда заказывал два фужера коньяку и по одной конфетке. Выпивали коньяк, закусывали по пол-конфетки. Потом Массальский, хорошо поставленным красивым голосом, говорил; «Официант! Ещё два фужера коньяку, закуска осталась!». Петрович показал остатки пластинки валидола и сказал:

– Володь, закуска осталась!

7.Клопы.

В очередной раз мы с коллегой ехали в северную столицу, славный город Ленинград. Билеты купили в спальный вагон, взяли с собой бутылку коньяка и в путь. Путь короткий – всего-то одна ночь. Спальный вагон имел повышенную

комфортность, его называли генеральским. Купе на двух человек, две полки одна над другой. И между двумя соседними купе раковина с умывальником. Сколько ездил, а в такое купе попал первый раз.

Обстановка располагала к застолью. Выпили коньячок, закусили, поговорили и спать. Я ещё не успел заснуть, а уже услышал легкий храп моего спутника, доносившийся с верхней полки. Это точно про него Николай Васильевич Гоголь сказал:

«Потребовавши самый лёгкий ужин, состоявший только в поросенке, он тот же час разделся и, забравшись под одеяло, заснул сильно, крепко, заснул чудным образом, как спят одни только те счастливцы, которые не ведают ни геморроя, ни блох, ни слишком сильных умственных способностей».

Прошло ещё минут пять, я тоже начал было засыпать, но тут вдруг у меня началась аллергия. Хотя до этого её никогда не было. Я стал вспоминать, что мы такое ели, вроде ничего не обычного. Аллергия усилилась, стало чесаться всё тело. Да думаю, наверное весь покрылся красными пятнами... Включил дежурное освещение, чтобы посмотреть на себя. И от того, что я увидел, у меня зашевелились волосы на голове, я слетел с полки и ужас охватил меня. Я увидел полчища клопов, которые разбежались под светом. Сон улетел, я не знал что делать.

Я растолкал своего коллегу, которому эти твари, видимо, не мешали спать:

– Слушай, у тебя есть дезодорант?

Он дал мне спрей и я стал поливать, как говорится, не жалея патронов. Скопления войск были рассеяны, я перенёс огонь на одиночных бойцов. Через полчаса враг скрылся из поля зрения. Видимо переместился на запасные позиции – в соседние купе. Однако я ещё долго не решался подойти к постели. Утром я спросил своего спутника, не мучили ли его клопы.

– Какие клопы? Разве здесь есть клопы? – искренне удивился он.

– Да их тут было море! – воскликнул я, а про себя подумал «надо же какой стоик!»

Вспомнилось старое студенческое. Карикатура в центральной стенной газете, вывешенной в родном МВТУ на "Красной площади" – студенты в обороне от полчищ клопов, десантирующихся с потолка на парашютах и пытающихся преодолеть водные преграды, организованные находчивыми студентами с помощью консервных банок с водой, в которые "обуты" ножки кроватей. И спящий на лекциях, утомлённый ночной борьбой, студент Козлов: "Видит сон студент Козлов – общежитие без клопов".

Позже я понял, почему эти паразиты обходят моего коллегу стороной, когда увидел, что прежде чем надеть носки и ботинки он прыснул дезодорантом внутрь каждого носка и ботинка, потом прыснул себе подмышки и в трусы с обеих сторон: спереди и сзади. А перед выходом из купе, он навёл марфет на свои ботинки, вытерев их носы о свои брюки по очереди, наподобие тому, как это делают мухи, очищая свои лапки.

Затем довершил дело собственной санитарной обработки, прыснув дезодорантом себе в рот, как он сказал, чтобы

изо рта пахло приятно, и добавил: «К встрече на высшем уровне готов!»

Разве к нему клопы ползут, это ж ходячий дезодорант – подумал я. Сам же я весь день во время посещения директоров ГОИ и ЛОМО чувствовал себя погано, мне казалось, что по мне продолжают ползать клопы. С тех пор я твёрдо знаю, что, отправляясь в дальний путь вагонами ЖД, дезодорант взять не забудь!

8. Потерянные документы.

В очередную командировку в Киев с моим начальником мы прибыли рано утром в субботу. С утра нам предстояла встреча у генерального директора крупнейшего научно-производственного объединения, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, депутата Верховного Совета СССР, человека известного и уважаемого в оборонно-промышленном комплексе страны.

Встреча была назначена на 10 часов утра. Когда мы вышли на вокзальную площадь мой начальник, Сергей Вадимович, обнаружил, что он потерял бумажник и личные документы. Он был очень рассеянный человек. Он предположил, что документы, видимо, он обронил в купе нашего вагона, поэтому мы срочно вернулись на платформу. Но увы, состав уже отогнали на запасные пути. Возникла дилемма: искать состав и наверняка опоздать на встречу, что было бы очень плохо, так

как на встрече должен был быть и начальник Главка из нашего министерства, или найти какое-то другое решение. И мы решили, что Сергей Вадимович едет на встречу, а я иду искать поезд и документы, а позже звоню ему из города.

Я записал номер телефона секретаря директора объединения, с этим и отбыл на поиски. Пока я нашел поезд, вагон и проводника, прошло достаточно много времени. Вместе с проводником обыскали купе и ничего не нашли. Я вернулся на вокзал, время уже подходило к 11 часам, я был уверен, мой начальник уже у директора. Позвонил секретарю, представился и попросил меня соединить с Сергеем Вадимовичем из Москвы.

– Да – отозвался в телефоне мужской голос.

– Сергей Вадимович, это ты? – спросил я.

– Да – ответил он.

– Совещание уже началось?

– Началось – ответил он.

– Петя приехал? – спросил я – так между собой мы называли Петра Ивановича нашего начальника управления из министерства.

– Приехал.

Я говорю:

– Сергей, слушай, я вместе с проводником облазил всё купе и пол вагона, ничего не нашёл. Посмотри ещё раз в своих карманах. Он отвечает:

– Какое купе, какой вагон, чего не нашел? Я ничего не

понял.

– Слушай, кончай прикидываться, поищи лучше по карманам!

– Что искать-то?

– Ну, хватит уже шутить!

– Вам что надо?

Я засомневался, спрашиваю:

– Сергей, это ты?

Он отвечает:

– Я.

– Слушай, ну ладно уже, кончай придуриваться, у будки собрался народ. Или ты говорить не можешь?

– Могу. Но я не пойму чего надо-то?

Я, заподозрив неладное, повторил.

– Это Бельдигин?

Тут в трубке раздался смех. Давясь от смеха, он сказал:

– Передаю трубку – и передал трубку моему начальнику. Оказалось, они были тёзками, да ещё и голоса у них были похожи. Как позже мне сказал мой начальник, посмеялись они там от души и генеральный директор, тоже Сергей Вадимович, сказал, что давно не слышал, чтобы с ним кто-то так запросто и душевно разговаривал. А документы, конечно, нашлись, как я и предполагал, в каком-то дальнем кармане.

9. Дом отдыха.

Работа, работа, работа! С утра до вечера, зачастую и в выходные! Хватит, решили мы, три друга: Саша, Игорь и Валера, нужна передышка. Пошли в профком и купили путёвки в Дом отдыха. Было начало весны, март. Решили взять лыжи и Саша, взявший инициативу руководства нашим коллективом, сказал:

– Чтобы дома не было шума, что мы много берём водки, каждый берёт четыре бутылки, как бы на весь срок на всех, а получится по одной на день, это будет хорошо.

Первым возбудился Игорь, он позвонил Валере домой:

– Вы, что алкоголики!?! Мы что едем туда, отдыхать или водку пить!?! – орал он в трубку.

– Игорь, все вопросы к Саше. И потише, потише, а то твоя жена услышит – отбивался Валера.

– Пусть слышит, пусть знает, что вы алкаши! – продолжил кричать Игорь, и затем бросил трубку.

На следующий день Валера, встретив Сашу, передал ему возмущение Игоря. Саша ответил, что он всё урегулировал, что всё идёт по плану:

– Я сказал Игорю, когда у нас кончится, мы не будем бросать «на пальцах», кому ехать в Москву за водкой. Он всё понял и все вопросы снял.

Через несколько дней мы с лыжами и запасом водки отбыли к месту назначения. Игорь и Валера разместились в одном номере, а Саша – тоже в двухместном соседнем с другим

отдыхающим. По прибытии отметили, как водится, приезд и пошли знакомиться с местными достопримечательностями.

Всё было хорошо, Игорь, как всегда, взял с собой набор инструментов: пассатижи, отвёртку, моток проволоки, шурупы и какие-то ещё мелочи, как он сказал:

– На всякий случай.

Отдых начался – вечером сходили в кинозал, посмотрели фильм, составили план на утро и разошлись спать: Игорь с Валерой к себе, а Саша – к себе. С утра пораньше к друзьям зашел обескураженный Саша.

– В чём дело? – поинтересовались у него друзья.

– Мужики, я, кажется, обрёл новую семью – ответил Саша.

– Что-то ты туманно объясняешься, может быть, намекаешь на утреннюю чарку? – спросил Игорь.

– Какая, к чёрту, чарка. Вчера, когда мы пришли, я не стал включать свет, тихо лег, чтобы не будить соседа. Утром встал, выхожу из туалета в трусах, вдруг с кровати соседа из-под одеяла всплывает морская мина – голова вся покрытая бигудями и скрипит нежным голосом:

– Доброе утро, Александр – я чуть не упал со страха. Даже гукнул и присел. Думаю, может я не в свой номер залетел? Или тётка с бодуна, ошиблась? Я говорю ей:

– Вы кто?

И вдруг из-за неё всплывает голова моего соседа – шоферюги, дальнобойщика, он и говорит:

– Все нормально, Сашок, это свои, доброе утро! Это моя

подруга, Веруня, она с нами поживёт.

– Так ты там теперь сын? Ну, если тебя выгонят из приемной семьи, мы не бросим тебя, вот здесь на половичке у двери ты можешь спать. Заодно будешь сторожить нашу обитель. Так что, не переживай! – стали ржать друзья.

– Что же, я теперь в своём номере даже в трусах ходить не могу – продолжал переживать Сашок, – так однотипно с его соседом дальнобойщиком, мы решили его называть.

– А, ты попробуй ходить без трусов, может быть это будет лучше – продолжали ржать друзья.

– Ничего, Сашок, время лечит – успокоили мы его – будем жить по намеченному плану.

Пошли дни, отдых вошёл в русло, грустил лишь Саша, проводивший всё время с друзьями и только поздно ночью возвращавшийся в свой номер. Наконец однажды утром он пришёл весёлый и сказал друзьям, что нашел выход из сложившейся ситуации. Он сказал шоферюге:

– Парень, раз мы живём семьёй, то всё по-семейному. Две ночи твоя Веруня спала с тобой, теперь пришла моя очередь, теперь две ночи она будет спать со мной. Тогда он стал возмущаться:

– Она же ко мне приехала!

Я ему говорю:

– Или мы семья, или пусть сегодня же уезжает!

– Сегодня она не может, она же дома мужу сказала, что в

командировке в Ленинграде, а поезд из Ленинграда приходит утром. Только завтра утром – стал уговаривать сосед.

– Ладно, завтра утром чтобы её ноги здесь не было – согласился я – так что завтра наступит долгожданная свобода, я смогу у себя ходить в трусах. Знаете, мужики, самое страшное для меня было бы, если бы сосед согласился, чтобы этот крокодил перешёл спать ко мне. Вот тогда у меня бы осталась только одна дорога – к вам на половичок – закончил Саша.

Прошло время и друзьям – Саше и Валере представилась возможность отдать должное мастерству Игоря. Как-то после обеда Саша и Валера играли в пинг-понг в холле Дома отдыха. И вдруг Саша увидел проплывающую мимо них эффектную блондинку с лыжами в руках. Упустить момент Саша не мог:

– Девушка, здравствуйте, вы, куда идёте мимо молодых людей? Оставайтесь, сыграйте с нами в пинг-понг.

– Я иду ремонтировать крепления – ответила она.

– А крепления ремонтируют в 226 номере. Там мастер, его зовут Игорь – дал ей совет Саша.

– Ой, спасибо, а то я как раз шла его искать! – и она развернулась в сторону 226 номера.

Когда мы вернулись, то увидели Игоря, разложившего на полу лыжи и пыхтевшего с отвёрткой над очередным шурупом. Саша, увидев старания друга, спрашивает:

– Игорь, ты чего делаешь?

– Да, вот какая-то девка попросила переставить крепления – отвечает он.

– Откуда ты их только берешь, как они догадываются, что ты мастер, да к тому же ещё и с инструментом? – изумился Валера.

– Ведь мы договаривались идти в кино, ты что хочешь сказать? Что не пойдёшь с нами? – продолжил Саша.

– Идите без меня, я обещал сегодня доделать – сказал Игорь.

– Да, с тобой каши не сваришь, ненадежный ты человек, разбил компанию – заключили друзья с невинным видом и отбыли в кино.

На следующий день опять же в холле Саша с Валерой, играя в пинг-понг, вновь увидели эту же блондинку. Саша, не прекращая игры, спросил девушку:

– Ну как, девушка, отремонтировал вам лыжи мастер?

– Да, да, большое спасибо, хороший мастер, отлично всё сделал – ответила она.

– Ну вы бы хоть в кино его пригласили – продолжал Саша.

Блондинка на мгновение задумалась и говорит:

– Вы знаете, сейчас пока здесь муж – не могу.

Саша в момент удара от смеха не удержал ракетку в руке, и она со свистом пролетела над Валериной головой. Вернувшись в номер, мы передали Игорю, что блондинка пока не может его пригласить в кино, видимо, ему придётся ждать отъезда мужа.

– А, теперь-то я понял – засмеялся Игорь – что вы, негодяи, подстроили всё это! За это с вас причитается штрафная.

Игорь полез за бутылкой, а мы, естественно, спорить не стали.

10. На тропе войны с «зелёным змием».

Сергей Васильевич (Васильич для своих) – начальник, сопровождающий все стройки предприятия, как ведущиеся, так и перспективные. Это был человек крупного телосложения, весом много за сто. По его лицу было видно, что он давно вышел на тропу войны с «зелёным змием». Он часто мотался по нашим многочисленным объектам, контролируя их. Подконтрольными были военные строители.

Военные строители были передовым отрядом строителей на всех просторах нашей страны, в её самых отдалённых уголках – от Заполярья до жарких степей Казахстана, в горах Средней Азии и Кавказа. Они первыми несли тяготы тяжелой работы и неустроенного быта. Мой респект военным строителям.

Но, как известно, непьющие строители редки, они поимерли давно. Они же были передовым отрядом бескомпромиссных бойцов с «зелёным змием». Товарищи офицеры пили всё, содержащее градусы, пытаясь его истребить, стереть с лица земли. В любое время суток. Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Даже Главком ПВО Павел Фёдорович

Батицкий, отдавая дань мужественным бойцам с «зелёным змием», как-то раз на Балхаше на вновь создаваемом в Казахстанской степи полигоне ПВО, на утреннем совещании, обращаясь к товарищам офицерам, сидящим в зале с хмурыми отёчными лицами и красными от бессонницы и тяжелой борьбы глазами, сказал:

– Ну, товарищи офицеры, выпил бутылку, две, хватит! Остановись!

Позже, повзрослев, в ряды этой армии влился и наш герой. В среде этих бойцов Сергей Васильевич не был белой вороной. Как-то раз я наблюдал его в «боевой обстановке». Мы прилетели на одну неделю в станицу Зеленчукская, в ту, что на Кавказе. В ту, где по пути из аэропорта Минеральные Воды в станицу, при переезде через реку Кубань на мосту красовался лозунг «Течёт вода Кубань-реки куда велят большевики!»

В станице у нас военные строили крупный объект, который часто посещал Сергей Васильевич. Его там знали и любили. В ту поездку Сергей Васильевич ещё в самолёте встретил знакомого полковника, который летел на тот же объект с инспекционной миссией. В аэропорту Сергей Васильевич с радостью сменил наш УАЗик «Буханку» на начальственный ГАЗ-69 и они поехали отдельно от нас. Когда мы приехали в нашу гостиницу – длинный деревянный барак на живопис-

ном берегу горной реки – наши спутники уже были там. Они поселились в отдельных одноместных командирских номерах. Как оказалось, водку они уже закупили по пути.

И сразу же началось. Поток к ним шли офицеры строители с отчётами о проделанной работе и с трехлитровыми банками с мутноватой жидкостью – самогоном. Топот их подкованных сапог не прекращался ни днём, ни ночью. Сергей Васильевич был самым крепким и самым упорным среди бойцов с «зелёным змием». Он был лучшим среди равных.

Только после двух или более бутылок выпитого, он громко начинал петь. Репертуар его был невелик. Он всегда исполнял одну и ту же песню «Признание в любви». Конец песни он пел во всю, оставшуюся у него силу легких. По гостинице несло:

*Родина моя, что было и что будет
Всё я пополам с тобою поделю
Вовсе не затем, чтоб ты меня любила
Просто потому, что я тебя люблю*

Закончив песню, он падал на кровать и засыпал, чтобы проснувшись, заглянуть по нужде и в столовую – съесть тарелку горячо любимого борща, любезно и заботливо приготовленного ему его же сотрудниками. Затем всё повторялось.

За всю неделю он и его товарищ инспектор так ни разу

и не вышли из гостиницы. Заслушивая доклады строителей, выпивая громадное количество закупленного и принесённого, они честно несли свой крест, нанося посильный урон «зелёному змию».

В другой раз судьба вновь нас свела с Сергеем Васильевичем в командировке. В этот раз дело было в пограничном с РФ городке Эстонии в Нарве. Там наше предприятие планировало снять на постоянной основе пансионат для сотрудников предприятия. Для этого высадилась большая делегация, состоящая из «первых лиц»: председателя профкома, секретаря парткома, главного инженера, моего непосредственного начальника, на встречу с которым приехал из Ленинграда на два дня и я, ну и главного строителя Васильича – нашего героя.

С собой они привезли дефицит того времени – растворимый кофе – коробку, красной икры – коробку, копчёной колбасы, сыра и другой снеди – немерено, и конечно водки. Ящик или два.

Застолье шло без перерыва – падали одни борцы с водкой, но вставали другие. Васильич уже не раз исполнил «Признание в любви». Настал момент, когда взятая с собой была побеждена. Созрело решение, что необходимо нанести удар по местному скоплению врага.

Закупить десять бутылок вызвался Сергей Васильевич, а я решил составить ему компанию, чтобы помочь донести и хоть краем глаза глянуть на зимнее Балтийское море и го-

род. Когда нам выдали искомое, Васильич любовно уложил все купленное себе. Во внутренние карманы пальто он положил шесть бутылок: в каждый карман по три бутылки, по две вверх горлышком и по одной между ними горлышком вниз. В наружные боковые карманы он положил по две бутылки. При его габаритах это было почти незаметно. Мне он не доверил ни одной бутылки.

Мы потихоньку побрели по берегу моря. Примерно через полкилометра он, задыхаясь, остановился перекурить. И вдруг, неожиданно для меня и, как мне показалось, для себя, выхватил из кармана непочатую бутылку водки и размахнувшись зашвырнул её далеко в море.

– Видеть её не могу!

Он выхватил вторую бутылку, но я не дал её забросить.

– Васильич, ты что? Не делай этого, нас там ждут с водкой.

Что мы им скажем?

Он закурил, успокоился и мы с частыми остановками побрели дальше – уже без приключений. Всё, сломался герой, подумал я. Еще один боец с «зелёным змием». Однако позже в гостинице я услышал: «Родина моя, что было и что будет ...», и понял, что погорячился, вывод мой был скоропалительным.

Вспомнился анекдот, про то как соревновались француз, англичанин и русский – кто больше выпьет. Первым на ринг выходит француз и требует ведёрко кальвадоса. Пьёт один

стакан, второй, третий – и падает.

– Сломался, сломался французский спортсмен – восклицает комментатор.

Вторым на ринг выходит американец, и требует уже ведро виски. Спортсмен берёт на грудь один, второй, третий и, наконец, четвёртый стакан и тоже падает.

– Ах, сломался, сломался американский спортсмен – с сожалением констатирует репортёр.

Судья даёт команду, спортсмена уносят с ринга. А в это время русский спортсмен Иван Поддубный в красном углу разминается портвейном. Наконец и он выходит на ринг и требует бочонок самогона и ковшик. Ему выдают требуемое и он бодро принимается за дело. Один ковшик, второй, третий, четвёртый, но, ах, ах! Сломался, сломался, сломался! Сломался ковшик!

Хорошо знакомая песня «Родина моя...» вновь разнеслась по пансионату и возродила во мне уверенность, что скорее сломается ковшик, чем Васильич.

Прошло время, и я ушёл с предприятия, расстался с сослуживцами и Сергеем Васильевичем в том числе. Как-то встретив знакомого, ещё работающего на предприятии, я спросил его, как там Васильич?

– Помнишь сказку о репке. Так вот, посадил дед печень. И выросла печень большая, пребольшая. Тянул, тянул он пе-

чень и не вытянул – поведал он мне печальный конец героя этой битвы.

– Жаль, хороший был человек, и боец был на славу, а «змия» не победил – посочувствовал я.

По наивности, видя горящие глаза, рвущихся в бой моих товарищей и антиалкогольную помощь Горбачёва я поверил было в победу над «змием», думал – вот-вот. Ещё немного, ещё чуть-чуть. Теперь же, заходя в магазин, вижу ломящиеся от водки полки. Стало понятно, что у «змия» слишком много голов.

Нет! До победы ещё далеко! Очень далеко! Одно радует – не иссякают ряды борцов с зелёной нечистью! Даже моя замечательная тёща Анна Дмитриевна, совершенно непьющая, как говорится, не переносящая это зелье на дух, попыталась влиться в ряды борцов в тот период времени, когда "зелёный змий" стал страшным дефицитом. Она стояла в очереди с мужиками за дефицитом. Очередь была столь плотной, что между стоящими даже не просунуть ладонь. Когда она стала подходить ближе к продавщице, то спросила:

– А сколько стоит бутылка водки?

И вот этот вопрос буквально разорвал казавшуюся монолитной очередь, мужики смеялись до слёз. Анна Дмитриевна поняла, что она спросила что-то не то:

– Да я же не пью.

Один из стоящих бойцов с "змием", сведя брови домиком, хриплым, хорошо пропитым голосом назидательно ска-

зал:

– Запомни, мать, не пьёт только сова, и то, потому что днём она спит, а ночью магазины закрыты.

Когда моя непьющая теща вернулась с бутылкой водки и рассказала о своём приключении, я спросил её:

– Зачем она вам? Вы же не пьёте.

Скромно потупив глаза, она сказала:

– Надо.

Тогда я понял, что захваченная общим водоворотом, Анна Дмитриевна не смогла остаться в стороне от борьбы на фоне нарастающего дефицита. Она, скромный боец, почувствовала свой долг перед обществом и решила внести сильный вклад. А скромность только украшает бойца, подумал я.

Васильич и Анна Дмитриевна находились на крайних флангах широкого, протяжённостью в девять часовых поясов, фронта, а середину фронта заполняли мы с вами.

– Не пьёт? Он что больной? Не пьют только больные или предатели! – так отреагировал наш главный конструктор – герой социалистического труда, фронтовик на предложение взять себе в помощники совершенно не пьющего человека.

В среде бойцов с «зелёным змием» я слышал, что появились теоретические работы, ведущие к кратчайшему пути к победе, обязательные к изучению, особенно для начинающих. Так называемый курс молодого бойца, являющейся путеводной звездой в этой борьбе. В отличие от работы осново-

положника социалистического государства В. Ленина «Лучше меньше, да лучше», курс называется «Лучше хуже, да больше». Об этих же работах хорошо отзывается в своей миниатюре «Напивайтесь – полезно» народный артист СССР Евгений Леонов. Там он убедительно ссылается на теоретические и экспериментальные работы наших ученых, публикации этих результатов в научных журналах.

Для них, мужественных бойцов с «зелёным змием», лозунг-призыв Отца народов "Наше дело правое, победа будет за нами!" был и останется путеводной звездой на годы вперед!

11.Русский размер.

Моя жена перед Новым Годом зашла на рынок, чтобы купить, так называемые в народе, бульёнки – говяжьи коленки с мясом. Но, так как она готовила холодец не часто, то спросила у продавщицы совет:

– Сколько надо наливать воды для этого количества мяса?

– Налейте в кастрюлю воды на два пальца выше мяса – показала она, сложив пистолетиком два пальца, указательный и средний.

На полигоне на утренней разборке, перед приездом главкома, генерал, глядя на хмурые лица подчинённых офицеров, источающих смешанный запах табака и перегара, давал наставление подчинённым:

– Товарищи офицеры, когда пьёте водку, наливайте в стаканы не до краёв, а хотя бы на два пальца меньше.

В подтверждение своих слов и для наглядности, сложив ладонь пистолетом, он показал офицерам оттопыренные два пальца: указательный и средний.

К нам на предприятие должна была приехать делегация специалистов из Франции. Накануне на совещании директор определял маршрут движения и, выявляя проблемные места, ставил специалистам задачи. Особенно досталось главному энергетика за плохое состояние туалетов.

– Чтобы по маршруту движения все туалеты были приведены в порядок. Вечером сам пройду и проверю!

– Не волнуйтесь, Борис Евгеньевич, всё будет в порядке. Это нам как два пальца, оглянувшись на женщин, сидевших на совещании. Ну, короче, обсосать!

И он, выходя из кабинета, поднял руку и показал два оттопыренных пальца, средний и указательный и, встряхнул ими, как бы демонстрируя что, то о чем он сказал, уже произошло.

– У вас только это хорошо и получается – вдогонку ему сказал директор.

Как-то раз в храме Христа Спасителя группа девушек исполнила, так называемый, панк молебен, оцененный церковной бюрократией и фемидой, как уголовное преступление. Ещё до суда, на каком-то публичном выступлении премьер-министр дал оценку этому творчеству девушек, тем са-

мым, давая указание фемиде:

– Это не хулиганство, а уголовное преступление, осквернившее чувства верующих, поэтому, чтобы не было повадно другим, надо бы им вlepить по двушечке.

И в подтверждение своих слов, показал два растопыренных пальца: средний и указательный. И в результате, для успокоения чувства верующего премьера и других иже с ним, девушкам и вlepили.

Два крупных государственных чиновника на саммите БРИКС на ГОА гоняли бильярдные шары. Один из них во время игры показал второму два оттопыренных пальца: средний и указательный. Что у чиновников высокого ранга, оказывается, означает с тебя, друг мой, два миллиона долларов. Второй обиделся и организовал первому восьмушечку.

Велик язык жестов, а два пальца – вообще! Русский размер!

12. Аббревиатура.

Мой сосед по даче Вениамин – человек эрудированный, хорошо владеющий словом. Более того – любящий народный эпос, всякого рода сокращения, словом – человек интеллигентный, утром зашёл к другому соседу Сергею.

Тот в это время наслаждался яичницей из двух яиц поджаренных с мелко нарезанной копчёной колбаской, издающей далеко распространяющийся аппетитный запах. Зашёл,

потянул носом, и как вежливый человек сказал:

– Привет!

– Привет!

– Жопа!

– Сам ты жопа. Ты чего, с утра не с той ноги что ли встал?

С утра и сразу жопа? – довольно грубо отреагировал сосед, ещё не обретший полного здоровья после вчерашнего.

– Я пожелал тебе приятного аппетита. Это аббревиатура: Ж – желаю, О – обществу, П – приятного, А – аппетита – объяснил Вениамин соседу, сообразив, что Сергей отстал от жизни и не так быстро соображает с утра.

– Аааа – подумав, и понизив градус раздражения, примирительно отреагировал сосед.

И пришлось им это словечко-пожелание по душе. Частенько я сам слышал, как они, попивая домашнее серёгино вино, поднимая рюмку, говорили:

– Ну, ЖОПА!

Но вот однажды Вениамин с утра зашёл к соседу и застал его за обычным занятием, то есть за поеданием утренней яичницы. И сказал ему, не здороваясь:

– Жопа!

– Спасибо – ответил сосед, не отрываясь от сковородки.

– Да нет, это не то что вчера. Сегодня другая, настоящая жопа. Ты вроде бы с утра собирался ехать в город. Так из этого у тебя ничего не получится. На выезде с нашей улицы самосвал свалил дрова соседям, так что тебе не выехать.

– Тьфу, ты чёрт! Мне же надо срочно к электричке! – побежал он на улицу.

Вернувшись, он сказал удручённо;

– Да, вот это настоящая жопа, а не какая-то твоя, как ты её называешь, аб..аббревитура!

Вот так пострадало это пожелание. Как когда-то сказала великая актриса Фаина Раневская:

– Жопа есть, а слова – нет!

А здесь и жопа есть, и слово есть!

13. Первому горнолыжнику России.

Маленькую деревушку в австрийских Альпах четвёртые сутки засыпает снегом. Наша небольшая группа горнолыжников из Москвы использовала весь, известный им доселе, арсенал средств борьбы с непогодой. Пили вино разных производителей и крепости, провозглашая тосты «За погоду!» Несколько раз на дню ходили в единственный местный магазин «ADEC», подкупали вино и продолжали бороться с непогодой. Но, нет, пока не помогало. Видимо, мы что-то делали не так. В других горах помогало, а здесь – нет!

Накануне кто-то предложил сходить в церковь и поставить свечку внуку Бога Стрибога Догде – Покровителю тихого ветра и ясной погоды. Сходили в местный католический храм, поставили свечку. Возвращаясь домой через

пустую площадь, обычно заполненную горнолыжниками, с тоской смотрели на станцию из чрева которой выныривали пустые вагончики, исчезающие в снежной круговерти, а на встречу им также неожиданно появлялись из снега вагончики, возвращающиеся с гор.

Вспомнили стишок, написанный нами на «злобу дня».

*Когда в горах метель гуляет
Или пурга – не видно зги,
На горных лыжах рассекают
Лишь одиночки – смельчаки
Иль те, чьи сохлился мозги,
Иль от рожденья дураки!*

Ни тех, ни других в вагончиках не было. Хоть площадь была пуста, но жизнь в вокруг расположенных кафе и в рестораниках была ключом. Взад-вперёд сновали горнолыжники, доносилась музыка. Кому война, кому мать родна, заключили мы.

Мы – горнолыжники, оплатив всё катание на две недели вперёд, сидим внизу. Трассы, заносимые снегом пусты, зато кафе и рестораники огребают денежки. Дома, подкрепили обращение к Догде тостами и стали ждать следующего дня. Утром с тоской глядели в окна, не помогло. В чем же дело? Кто-то высказал версию, что Догда славянский Покровитель, а церковь католическая, поэтому наши молитвы

не попали адресату. Ещё день-другой такого упорного труда – рассуждали мы – и рискуем приобрести стойкую зависимость от алкоголя. И тогда придётся ставить свечку ещё Святому Вонифатию – избавителю от алкогольной зависимости. Что же делать?

Вечером собрались на очередной совет и вдруг осенило. Ведь надо обращаться не только к Покровителю, но и к Ангелу Хранителю – первому горнолыжнику России. Так кто же он? Все мы имели уже за плечами не один десяток лет горнолыжного спорта, но сразу сообразить не могли, не могли назвать имя первого горнолыжника России. После третьего стакана хорошего красного вина почти разом на всех нас снизошло божественное прозрение – да ведь это Александр Сергеевич Пушкин! Да, да, и да! В честь Пушкина горы в Михайловском названы Пушкинскими горами. А стихи Александра Сергеевича «Телега жизни» И вот, пожалуйста, горнолыжная тема:

*Порой нам тяжёлко жизни бремя,
И всё же это не про нас,
Ведь не настало ещё время
Спуститься с гор в последний раз!
С утра на лыжах и по снегу
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Несёмся вниз, нас не догнать!*

Но в полдень нет уж той отваги.
Бугры набиты. Нам страшной.
Нет гладких трасс, лишь буераки.
И мы спешим домой скорей!
Домой!
Предаться лени, неге!
Там наш старинный друг Онегин
Под наше громкое: «Ура!»
Бочонок красного вина
Готов открыть уже с утра!
И даже старенькая няня
Спешит к Онегину домой
Чтоб пропустить стакан, другой
Сухого красного вина
Мы ж прокричим ей «Пей до дна!»
Под шум и смех, под звон стаканов
Внезапно вечер наступил
Уж наш любезный друг Евгений
До дому няню проводил.
И нам пора. Пора домой!
Еще разок «на посошок»
Принять стакан, принять другой
Покинуть дружеский покой.

Под крики «Ура!» мы выпили за первого горнолыжника России и стали просить его и Догоду помочь нам. И

что-то сработало: Догода, Пушкин и тосты. На следующее утро сверкало солнце, на небе ни облачка. На все оставшиеся дни. Компенсацией за дни вынужденного простоя был потрясающей красоты, сверкающий под свежим снегом, вид горных вершин и деревьев, особенно, елей, которых много было в нижней части подъёма. В Москве, когда мы рассказали о Пушкине, некоторые скептики говорили:

– Тогда, во времена Пушкина, горных лыж не было.

– Горы были, а горных лыж не было? Это уж вряд ли. Мировых чемпионатов не проводили, да, а лыжи были – возражали мы.

Теперь, когда аэропорту Шереметьево присвоенное имя Пушкина и нам легче защищать Пушкина как горнолыжника России, ведь авиатором он точно не был. Тогда и аэропланов-то не было. Так, что «Ура и Слава!» первому горнолыжнику России. Помните об этом, друзья, не забывайте в горах поднимать за Александра Сергеевича Пушкина первый тост. Да будет вам удача!

14. Полиглот.

С начала 90-х годов открылись границы международного общения. Это было особенно непривычно для нас, работников режимного предприятия. Тем не менее, по командам сверху, мы стали принимать многочисленные делегации зарубежных специалистов. Дотоле секретные, мы стали пред-

метом изучения иностранными специалистами. Нам разрешили общаться с зарубежными коллегами даже по телефону. Сказать, что мы были готовы к этому, было бы большим преувеличением. Вся прежняя жизнь в нашей стране не готовила нас к этому. Даже иностранные языки в ВУЗах мы изучали с упором не на разговор, а на перевод, как правило, технический.

Дело было вскоре после событий, происшедших в Москве, известных как штурм Белого Дома. Однажды нам в приемную позвонили из Германии. Трубку сняла секретарша, услышав иностранную речь, она в панике от неожиданности, позвала заместителя начальника – Захара Ивановича – в приёмную к трубке. Он с значительным видом взял трубку, сказал «алё». Секретарша не успела его предупредить, что на трубке иностранец. Когда он услышал немецкую речь, то разобрал только фамилию нашего специалиста, хорошо разговаривающего на немецком языке. Его-то и хотел услышать иностранец.

Захар Иванович, чтобы не потерять авторитет перед секретаршей и всеми, кто в этот момент находился в приёмной, выдал всё, что знал, изучая немецкий в школе и в институте. Он сказал про специалиста, что тот «кранкен», потом подумал, добавил «эр кранкен», разбавил неожиданно всплывшими в памяти «ахтунг». Помедлив секунду, он добавил «гутен морген», хотя была вторая половина дня, и припечатал всё, сказанное выше, словом «панцер» и поло-

жил трубку с видом человека, прошедшего тяжелые международные переговоры.

Секретарша с большим уважением смотрела на него, не только как на начальника, но и как на человека, владеющего иностранными языками, на полиглота.

После этого разговора немцы в панике решили, что в Москве снова танки, и наш специалист видимо пострадал во время танковой атаки. Всё это они рассказали позже нашему специалисту, когда его разыскали дома.

Потом мы долго смеялись, вспоминая этот случай, и решили, что Захар Иванович поскромничал, он мог бы продолжить общаться с немцем, ведь он наверняка знал ещё кое-что по-немецки, типа: «Хальт», «Ханде хох» или «Гитлер капут!»»

15. Что русскому по фигу, то французу....

С начала 90-х годов нашу фирму массово стали посещать иностранные делегации: американцы, немцы, французы, японцы и многие другие. В план демонстрации наших возможностей входили разработки в области силовой оптики. Я руководил этим направлением, поэтому мне приходилось встречать эти делегации в вакуумном зале, где у меня был порядок, и где была развёрнута небольшая выставка. Сам зал располагался в производственном корпусе, построенном в конце 70-х годов солдатами спецстроя, поэтому

качество корпуса было, как бы сказать, никакое. Особенно плохими были туалеты, как их называл наш директор, сортиры. Рядом с вакуумным залом был мужской туалет с крупной буквой «М». Несколько раз я вызывал главного энергетика и, будучи одним из старших по должности в службе Главного инженера, требовал привести его в порядок. Каждый раз он мне говорил:

– Валерий Александрович, вы знаете, кто его строил – уклонов нет, стоки забиты – и поэтому там всё плавает по полу.

Кончилось это тем, что на внутренней двери главный энергетик мелом написал *«Мужики просьба по большому не ср..ть!»*

– Вить, эх ты, ты же главный энергетик, ты же Бог! Бог воды, огня и пара! Что ты написал? – спрашивал я его, а он: – Это всё, что я могу сделать, так как г-но плавает по всему полу.

– Выходит правильно директор тебя называет Бог воды, г-на и пара.

И вот в тот день ко мне от генерального директора спустилась делегация французов около 15 человек. Сопровождающий их наш начальник отдела по внешне экономическим связям, говорит мне:

– Валерий Александрович, один француз хочет в туалет.

– Ты работаешь давно и знаешь, что здесь нет туалета, веди его назад к директору.

Демонстрация и мой доклад длился минут двадцать, затем делегация ушла по маршруту дальше. И вот, когда французы проходили мимо туалета, один француз, то ли по букве «М», то ли по запаху определил туалет и рванул внутрь. Остальные остановились и стали его ждать, через короткое время он вышел с бледным лицом и сказал ожидавшим его товарищам:

– У меня ничего не получилось!

Вот! Мы наглядно увидели, слабость французской нации.

– Видимо, они так и не оправились после войны восемьсот двенадцатого года – под общий смех заметил кто-то из нас, кажется, Саша Бакеев.

16. Танец вокруг трубы.

Впервые за всё время существования нашей фирмы к нам прилетела большая делегация коллег из Америки. Прошли все приказы от вышестоящих организаций, предписывающие нам принять делегацию и предложить им взаимовыгодное сотрудничество. Наш директор – истинно русская душа – организовал не только деловую часть, но и угощение, немислимое без обильных возлияний. Английским

языком у нас владел ограниченный контингент сотрудников. Для переводов была создана в составе предприятия специальная группа англоговорящих сотрудников. Учитывая важность мероприятия, директор для перевода пригласил руководителя группы переводчика Тульникова. Это был интеллигентный человек субтильного телосложения в очках с толстыми линзами. Приём делегации шёл целый день с перерывом на обед, накрытый с изысками, в директорской столовой. После обеда делегация отбывала на маленький подмосковный объект, где продолжалась деловая часть и по завершении встречи небольшой фуршет. Часа в четыре изрядно выпившая шумная компания побратавшихся специалистов прибыла на объект. Для встречи делегаций, часто посещающих этот объект, начальник объекта соорудил из подручного материала небольшую комнатку, задрапировав её изнутри снятыми где-то шторами цвета липы с мелкими цветочками по полю штор. Первое впечатление от этой комнаты – будуар в дешевом борделе. Вместо широкой кровати с балдахином в центре комнаты стоял длинный составной стол, собранный в виде подковы. Неяркий свет нескольких светильников только усиливал первое впечатление. В центре подковы или комнаты стояла водопроводная труба, подпирающая потолочные панели. Все с шумом расселись по внешней стороне стола- подковы, таким образом, чтобы видеть друг друга. Лицом к лицу – американская сторона и хозяева. В центр подковы к трубе вышел директор с раскрасневшимся лицом,

изрядно выпивший, но в силу своей должности, хорошо державший форму. Он начал приветственную речь, привязанную тематически к этому объекту. Закончив, он замолчал. Воцарилась тишина. Все молча, смотрели друг на друга. Сообразив, директор встрепенулся со словами:

– Кто переводит?

Переводчик, говорят непьющий, видимо не рассчитал сил при выполнении служебных обязанностей в директорской столовой, сидел, уткнувшись лицом в столешницу, очки лежали рядом. Коллеги толкнули в бок переводчика Тульникова и помогли ему выйти в центр к директору. Он крепко ухватился за трубу обеими руками и невидящими глазами смотрел больше не на окружающих, а скорее внутрь себя. Директор вновь начал повторять свою речь. Некоторое время Тульников в полной тишине осуществлял неконтролируемые эволюции руками и ногами вокруг трубы, отбрасывая неяркие размытые тени на лица сидящих. Это больше походило на фантастические танцы бурятских шаманов или при некоторой фантазии, на танцы девушек из борделя вокруг шеста. Постепенно силы покидали переводчика и он, попеременно размахивая то одной, то другой рукой, в конце концов, ухватившись за трубу обеими руками, медленно сполз на пол, сел на четвереньки, так что труба была у него между ногами. Директор, который стоял между американскими коллегами и переводчиком, и у которого переводчик был за спиной, этого не видел и бодро заканчивал свой спич. После

затянувшейся паузы вновь последовал вопрос:

– Кто переводит?

– Я! – встрепенулся Тульников, резко поднялся по трубе во весь рост, крепко держась обеими руками, и повторил свой загадочный танец с шестом.

В то время, как наши сотрудники сидели, едва сдерживая смех, прилично подвыпившие американцы с непроницаемыми лицами взирали на директора. Директор ещё раз, но уже более эмоционально, начал повторять свою речь, а Тульников в это время на глазах окружающих медленно сползал на пол. Когда директор закончил свою речь, переводчик уже сидел в прежней позе на четвереньках, держась обеими руками за трубу. Наступила тишина. Директор вновь воскликнул:

– Кто переводит?!

И Тульников, поднявшись по трубе, также вновь ритуально воскликнул:

– Я!

Очевидно это было всё, на что хватало сил у Тульникова. Он, повторив свой загадочный танец у трубы, вновь медленно пополз вниз. В четвёртый раз, на возглас директора:

– Кто переводит? Раздался дружный смех сотрудников и гостей. Директор обернулся и увидел сидящего на полу переводчика.

– Всё – констатировал директор – сломался англичанин. Уведите его в мою машину – распорядился он.

Встреча быстро и весело пошла к концу. Американские коллеги осмотрели объект, на ломаном английском им дали пояснение наши трезвые инженеры. От фуршета никто не отказался, а на халяву кто же откажется? В шесть вечера к общему удовольствию встреча завершилась, делегация и директор с переводчиком Тульниковым отбыли. Оставшиеся прибрали в комнате и, вспоминая переводчика Тульникова констатировали:

– Тульников придал борделю законченный вид, осталось добавить цветомузыку и на входе повесить желтый фонарь!

17. Может быть, даже майор.

Я руководил группой сотрудников нашего предприятия, которая работала в Швейцарии по созданию уникального проекта. Мы периодически приезжали и проводили совместные работы с сотрудниками фирмы. Состав команды был переменным и зависел от того, какое оборудование готовилось к приемке. Я, как руководитель, отвечал за все направления и поэтому работал со всеми составами. Естественно, наши швейцарские коллеги не знали истинного назначения оборудования – однако видимо догадывались, что эти разработки имеют военное назначение. И вот однажды, наш инженер, он же переводчик, после общения с швейцар-

скими коллегами, вернулся в нашу квартиру, где мы обсуждали очередную задачу и сказал мне:

– Швейцарцы отозвали его в сторону и сказали, что путем логических размышлений они пришли к выводу, что вы в СССР очень большой начальник. Может быть, даже майор!

Все долго хохотали, хотя позже мы узнали, что у них генерал то может быть только во время войны. Не дай Бог, уж лучше без генералов!

Я рассказал эту историю своему другу Андрею. Он говорит:

– В мире всё относительно.

Два мужика в тюрьме ходят по камере. Один другому говорит:

– Всё относительно. Вот мы с тобой сейчас ходим, а для тех, снаружи тюрьмы, мы сидим. Так, что майор майору рознь.

18. Встреча в Минуире.

В конце зимы я уволился с работы и стал свободным человеком. Один из моих друзей, тоже горнолыжник, пригласил меня на две недели съездить во Францию в Альпы, а именно, в Минуир. Как говорится, ударили по рукам – и в путь. Сняли апартаменты в многоэтажном гостиничном комплексе. Всё прекрасно: горы, снег, солнце. Установился ре-

жим дня: с утра в горы, к обеду домой, душ, обед, отдых, поход в магазин за провиантом. В этот день мой друг остался дома читать книгу, а я рванул в «Марше». Захожу в лифт, за мной вбегают две молоденькие француженки, как и все там – в красивых спортивных костюмах. Я немного говорил по французски, т.к. учил его когда-то в школе. Мы обменялись обычными приветствиями:

– Бонжур.

– Бонжур.

Я стоял у кнопочного пульта и спросил девушек:

– Кель этаж дезире ву?

Одна из них ответила:

– Прэмьер.

Я нажал нужную кнопку и лифт пошёл. Девушка сказала:

– Мерси боку,

Исчерпывая свои знания французского, я ответил:

– Па де куа.

В это время вторая француженка, миловидная, улыбаясь и не глядя на меня, нежным ангельским голосом, можно сказать, сияя душевною красотой, спрашивает у подруги:

– Что этот м-к сказал?.

Подруга отвечает:

– Он спросил...

Но я не дал ей договорить:

– Этот м-к спросил, какой вам нужен этаж.

Последовала немая сцена, которая закончилась общим смехом. . . Всё-таки, как приятно неожиданно встретить соотечественников! Я подумал, правильно написано в аэропорту Бен Гуриона (как говорят, сам не видел):

– Не умничай, здесь все евреи!

19. Искусственная мышь.

Это было в небольшом швейцарском городке Ваттвиль, была пятница, рабочий день закончился, и мы вдвоем с коллегой думали, как бы нам скоротать сегодняшней вечер и что делать в предстоящие выходные дни. Вдруг мы услышали со стороны входа в наш дом шум автомобильных моторов, а вскоре звонок в домофон. Это был наш знакомый швейцарец, который вместе со своими чадами и домочадцами проезжал мимо и все они захотели посмотреть, как тут живут русские. Там были его дети, тещь с тещей, семья брата с женой и тоже с детьми.

Мы, как гостеприимные хозяева, показали им нашу большую квартиру и спросили нашего знакомого, чем бы угостить его родственников. Просьба была несколько странной, он попросил угостить взрослых русской водкой; вроде бы они о ней слышали, но никогда не пробовали. Мы налили водки и смотрели, как пьют старики. В нашем понимании

пить водку без закуски было невкусно, но от закуски они отказались сразу, сказали, что едут в пиццерию. Старики пили водку маленькими глотками, причмокивая и закатывая глаза как бы от удовольствия. Когда процесс питья закончился, старики пригласили нас с собой в пиццерию. У нас была своя автомашина, и мы встроились в их кавалькаду и поехали вместе с ними. В пиццерии наш знакомый сказал, что они сняли на выходные домик в деревне, хотят показать детям, как жили их предки в деревнях, потом они планировали восхождение на гору. Он предложил нам после ужина проехать вместе с ними посмотреть деревенский быт прошлого. Мы согласились.

Когда приехали нам показали деревянный трехэтажный дом: первый этаж для стариков, второй – для младшего поколения и третий – для них. Всё хорошо. Старики расположились на первом этаже, достали бутылку виски и стали нас угощать, но мы отказались, так как нам предстоял обратный путь. Наш знакомый объяснил нам воспитательное значение поездки: туалет – отдельно стоящий на улице, внешне похожий на сортир, но внутри выполненный по все нормам, из-за дивана он вытащил искусственную мышеловку с искусственной мышью. Вот видите, всё как было по-настоящему.

Возвращаясь домой, мы обсуждали, что у себя дома сидим на золотой жиле: полно туалетов с выгребными ямами и настоящих мышей сколько хочешь. Нет, не умеем мы зарабатывать деньги!

20. Рейнский водопад.

Дело было в Швейцарии. Был тихий и теплый осенний день. Мы вдвоем с коллегой приехали на Рейнский водопад. Там была назначена встреча с сотрудником нашего торгпредства. Необходимо было обсудить текущие дела. Был будний день, и на водопаде в парке почти не было посетителей. У моего коллеги был своеобразный ритуал, Он считал необходимым окунуться в воду везде, где только были водоёмы. И пока я вёл деловые разговоры с сотрудником торгпредства, мой коллега, предупредив нас, пошел окунуться под струей водопада.

Мы переговорили, выпили по чашечке кофе, а моего коллеги всё нет и нет. Пошли по берегу к месту, где он, мы видели, разделся. Одежда на месте, рядом гуляют редкие люди, семьи с детьми. Подошли к берегу, он сидит в воде, посиневший от холода, недалеко от берега.

– Вылезай, пора ехать – сказал я ему, а он отвечает:

– Не могу, у меня струей в водопаде смыло трусы. Я не могу выйти, жду, когда люди отойдут, а они стоят как приклеенные. Помогите мне.

Пришлось организовать прикрытие и принести ему одежду и полотенце, а если бы нас не было?

21. Камбэк мани!

Знаете ли вы где горы «Шар Планины»? Многие, конечно, ответят, а многие – нет. На самом деле это место недалеко от центра Европы, а, можно сказать – почти в центре. Этот горный массив находится на границе Македонии и Албании.

Вот туда-то мы, небольшая группа горнолыжников, прельстившись ценой, направила свои стопы. В феврале мы прилетели из Москвы в Скопье – столицу Македонии. Всё цветёт, жара, снегом и не пахнет. Ещё час мини автобусом, всё выше и выше, подъезжаем к городу Тетов, появляются горные вершины, покрытые снегом, из-за очередного поворота появляется главная гора – Попова Шапка высотой 2 тысячи метров. Нас размещают в простеньком отеле с двухразовым питанием. С утра пораньше, надели снаряжение, взяли лыжи и пошли знакомиться с трассами. Сразу же попали на очень узкий наклонный траверс, выбитый волнами, покрытый ледяной коркой, проложенный с краю, обрывающегося в горную речку крутяка. Поневоле, разогнавшись на траверсе, вылетаешь с поворотом на ледяную полянку, прямо к «скипас» кассе. А вот и первый бугельный подъёмник. Короткий крутой подъём сменяется подъемом пологим, но очень длинным. В начале пологой части подъёма находится следующий бугельный подъёмник, который параллельно с первым поднимает ещё выше к третьему и последнему бугельному подъёмнику. Всё катанье – вдоль этих подъёмников.

Персонал находится только у третьего подъёмника и в количестве аж трех человек. Видимо, втроём веселее. К полудню солнце начинает нещадно греть, становится жарко, на верхней трассе снег превращается в кашу, а в самом низу уже лужи и весело звенят ручьи, стекающие горную речку. Креселка на Попову Шапку не работает. День за днём пиликаем вдоль двух верхних подъёмников. Чтобы не получить травму при спуске по ледяной траверсе смещаем начало катания на более позднее время. А тут ещё напасть, позже начинают подвозить из Тетова школьников и в большом количестве, они лезут на подъёмники без очереди прямо по лыжам. Время на катание ещё уменьшается. На верхнем подъёмнике тоже начинают отключать электроэнергию за час до официального завершения работы.

Однажды, мы с Ларисой подкатываем к верхнему подъёмнику, а он выключен. Лариса в гневе бросается на служащих, стоящих в широкополых шляпах, типа «сомбреро», и кричит им на смеси языков:

-Ту ворк, ворк, а иначе мани камбек! Мани камбек!
Камбек май мани!!

Тогда один из них лениво отделяется от группы, лезет в электрошкаф и включает подъёмник. Мы цепляемся за бугель и начинаем подниматься. Лариса, довольная своей победой, начинает петь на английском языке победную песню

собственного сочинения:

*“You must work,
You must work,
You must work
Up five o’clock.
If d’ not and
Will not work
Every day
Up five o’clock
I will not love
And pay you,
And will say to you
“Adieu!”*

Что, в переводе с английского на русский язык, означает «Вы должны работать до пяти часов, если не будете работать каждый день до пяти часов, то я не буду любить вас, паразитов, и платить вам, и скажу вам: «прощайте».

На середине пути подъёмник останавливается, что, в общем-то, бывало и раньше. Мы ждём продолжения подъёма, Лариса, довольная собой, продолжает петь. Проходит минут пять, стоим. Ещё несколько минут – ничего. Оборачиваемся назад и видим три сомбреро, исчезающие вдалеке. Приходится сползать в снег, брести по раскисшему снегу

до укатанной трассы. Плюёмся! Всё-таки они показали нам, кто здесь хозяин и, яснее ясного, кто кому сказал «Adieu!» Правильно говорит народная мудрость: «Не гонись ты, поп, за дешевизной!» Мой знакомый, директор одного из самых крупных институтов Академии Наук, сказал мне:

– А ты чего хотел-то от профсоюзного дома отдыха?

22. Мы нигде не пропадём.

Сборная команда, в которой был и я, в рамках комиссии Черномырдин – Гор отбыла в США. Было много незнакомых руководителей из разных регионов нашей страны. Знакомились в рабочем порядке. Со своим спутником, соседом в самолете, я познакомился в полёте. Лететь долго, аж двенадцать часов. Он представился:

– Борковец Виктор, заместитель генерального директора по строительству «Архэнерго».

Я назвал себя. Виктор оказался общительным человеком, в нём было много всего: и габариты, и вес, и голос. Мы оба летели в Америку первый раз, и сразу же перешли на ты. Виктор рассказал, что в Москву он приехал на два дня раньше, закупил разные вкусности, которые он называл ласково, с любовью: кореечку, шеечку, ветчинку, брауншвейскую колбаску, водочку, коньячок. И тут же сделал предложение, отказаться от которого было невозможно. Виктор достал, как он сказал, бутылочку водочки, размером 0,75. Первый тост

был за знакомство.

В разговорах, долетев до Северного Полюса, допили бутылку. Виктор достал вторую, я отказался, на что он сказал, как хочешь, а я, пожалуй, скоротаю времечко. Я задремал, ближе к Сиэтлу разбудили стюардессы, они раздавали декларации для заполнения. Я прочитал и заполнил, вижу Виктор в затруднении. Я спросил:

– Вить, ты по-английски как? Шпрехаешь?

– Знал одно слово «Ес», а теперь к поездке выучил ещё одно – «Окей». Целую неделю учил – ответил он.

Я стал заполнять его декларацию, но в пояснении было написано, что ввозить в Америку продукты на основе животных запрещено.

– Что писать-то?– спросил я.

– Пиши – нет – сказал он.

В расчётное время прибыли в аэропорт Сан-Франциско. При входе в зал пограничного контроля женщина полицейская распределяла пассажиров по разным постам пограничного контроля. Я, ответив пограничникам на ряд дежурных вопросов, быстро вышел в общий зал, где нас уже ждали. Собралась вся делегация, но Виктора не было. Все волновались, он появился минут через двадцать. Пальто расстегнуто, шарф на боку, полуоткрытый чемодан под мышкой. Сели в автобус. Я спрашиваю:

– Вить, что случилось?

Он говорит:

– Стоят два полицейских, я подошел, они что-то спрашивают, а я ни хрена не понимаю. На всякий случай, говорю:

– Окей.

Тогда один показывает мне, открывая чемодан. Я от-

крыл, а они, Валера, как пошли

метелить продукты. И всё себе. Я думал они как минимум два дня не жрали. Я им говорю:

– Мужики, давайте по-честному! Нас трое. Две части возьмите себе, а одну оставьте мне.

Они делают вид, что не понимают. Тогда я показываю, как делить. Два батона брауншвейской колбаски отодвигаю им, а один батон тяну к себе. А они смеются. Короче, Валера, всё смели, собаки.

Я ему говорю:

– Вить, как жить-то будем в Америке, ведь ты обещал, что с голода мы здесь не помрём. Я так рассчитывал на твои продукты. А теперь?

– Ничего – ответил он – они сняли только верхний слой, у меня на дне ещё столько же. Мы не американцы, нас так без хрена не сожрешь!

– Нас так без хрена не сожрёшь, а хрена здесь и не найдёшь – подыграл я ему.

– Это точно, это не Россия – согласился Виктор довольный, что сыграл с американцами на их поле вничью, что равносильно победе.

23. На воде.

В пути у нас было время и мы по очереди с мамой вспомнили, как годом назад вчетвером на двух байдарках, плыли

по реке Ветлуге, которая протекает в Волгу через Кировскую и Новгородскую области. За две-три недели мы хотели преодолеть путь по реке примерно в сто километров. Начало пути – город Шарья.

К Шарье поезд подошёл часа в четыре дня. Выгрузились на станции под унылым холодным дождём, словно была уже осень. Я быстро нашёл бортовую машину, которая привезла нас к реке. Мама укрыла детей от промозглого дождя и напоила их горячим чаем из термоса с бутербродами. Я собрал две байдарки и мы решили переправиться на противоположный берег, а там поставить палатку и заночевать. Место вынужденного ночлега не было приятным во всех смыслах: хотя и с краю, но всё же в черте города.

Крутой берег, на который надо было затаскивать байдарки, и самое неприятное рядом с железнодорожным мостом, по которому с грохотом проходили составы. Когда я попытался разжечь бензиновый примус «Шмель» на бензине, полученном от шофёра грузовика в качестве гуманитарной помощи, примус фыркал, «плевался» и гас. Пришлось отложить всё до утра. Дети, хорошо укутанные мамой, уставшие от впечатлений дороги, быстро заснули; мы же спали плохо, всю ночь почти над головой грохотали составы.

Но с рассветом, когда вылезли из палатки, то увидели солнце, красивую реку внизу и выше по течению широкий затон, а стук поездов был не так уж силен, как будто и не было вчерашнего ненастья. Я быстро разобрал и почистил

Шмеля, сбегал за водой и поставил котелок на примус, загу-девший уже по-деловому. Жизнь улыбалась, всё-таки правильно говорят – утро вечера мудренее. Мама стала готовить завтрак. Подняли детей, поели и, свернув стоянку, отвалили вниз по реке.

Быстро ли, коротко прошло несколько дней плавания. Красивая река, изобилующая неожиданными поворотами, спокойная, без перекатов, с высоким одним и низким другим берегами. Вокруг лес – ни населённых пунктов, ни людей, солнце с утра до вечера.

На пятый день решили сделать «передых», найти место для стоянки на день-два. Очень скоро такое место нашлось на высоком левом берегу, где река делает крутой изгиб, в красивом сосновом лесу, чистом и без подлеска, устланным, как ковром, мягким мхом. Это место нравилось не только нам, видно было, что здесь останавливались и другие туристы или рыбаки: был сооружен стол и скамьи, рядом аккуратное кострище, а по берегу реки стояли рогульки для удочек.

Красоту противоположного западного берега, подчёркивало закатное солнце. Он был низким, песчаным, переходящим в отдалении в рощу с мелким кустарником. Даже сильный ветер был в помощь – не было ни комаров, ни мух. Грех было не воспользоваться таким подарком природы. Остановившись на день, мы застряли там ещё на несколько дней, так как, изучив схему, решили, что половину пути уже прошли. Дети ловили рыбу, я с противоположного бере-

га в роще набирал маслят, Мама отдыхала, как могла, при наличии столь «прожорливой» семьи.

Но однажды с утра не очень далеко от нас мы увидели подъехавший легковой «Москвич» с прицепом и двух мужчин, остановившихся, как оказалось, на весь день. Мы вполне мирно сосуществовали, не соприкасаясь друг с другом. День стал медленно клониться к закату, мы готовились к позднему обеду. Лариса сказала мне, что поперек реки к противоположному берегу, стоя в лодке в одежде, переправляется один из наших новых соседей.

Я обернулся и вдруг на наших глазах, когда до противоположного берега было ещё метров пять, лодка перевернулась. Видно было, что этот человек, держась за перевернутую лодку, не может подгрести к берегу, хотя течения в этой части реки почти не было. Некоторое время мы наблюдали эту борьбу человека с рекой. Я стал понимать, что бросить лодку он не может, так как она не даёт ему утонуть, но и выгрести к берегу тоже не удаётся, так как лодка слишком громоздка. Я быстро добежал до их стоянки, где его «друг» наблюдал за происходящим в воде и спросил:

– Это ваш спутник там в воде?

– Мой.

– Так он же утонет.

– А что я могу сделать?

– Ну, хотя бы к нам обратились за помощью.

– Помогите, пожалуйста, если можете!

Я бегом добежал до своей байдарки, стоящей на берегу, толкнул её в воду и быстро пересёк реку. Развернул байдарку носом к тонущему и приблизился к нему на расстояние вытянутой руки. Сразу же предупредил, чтобы он хватался только за нос. Когда он ухватился, я ему приказал:

– Бросай свою лодку!

– Не брошу!

– Бросай!

– Не брошу!

Я почувствовал в его ответе отчаянную решимость.

– Ладно, чёрт с тобой!

Убедившись, что здесь течения практически нет, я стал выгребать задним ходом, подтаскивая весь этот «состав» к берегу. Вскоре мы были на берегу. Наконец я разглядел, это был уже немолодой человек в одежде, в сапогах, из которых он, усевшись на берегу, выливал воду.

Я спросил с укором:

– Как же вы, взрослый человек, выпили, в одежде, в сапогах, стоя стали переправляться на такой верткой, легкой лодчонке? Ведь вы могли утонуть!

– Да я совершенно не пью, и много раз я переправлялся на этой лодке, всё было нормально. Помогите мне вернуться на тот берег.

– Садитесь в байдарку – предложил я.

– Нет. Вы меня не поняли. Я поплыву на своей лодке сам,

а вы меня подстрахуйте, плывите рядом.

Так и сделали. Позже, поблагодарив нас, они уехали, а мы ещё весь вечер обсуждали этот случай. Но на этом история не закончилась.

На следующий день примерно в то же время к нам на стоянку подкатил тот же «Москвич». Вышел наш уже старый знакомый. Мама и я вспомнили этот случай, а заодно вспомнили и продолжение этой истории.

Вот её продолжение:

– Я привёз вам рыбу за вчерашнее спасение. На этой реке я вырос, здесь когда-то была большая деревня, отсюда я уходил на фронт и сюда же вернулся. Вчера я тонул тут третий раз.

При этом он выложил несколько крупных рыбин. Мы предложили ему чай. Он не отказался и за чаем рассказал свои истории.

– Когда я вернулся с войны, было голодное время. В деревню кроме меня вернулись ещё два фронтовика. Вот мы и решили добыть себе рыбы, как говорится, промышленным методом. У нас был динамит, а на войне эта вещь привычная, как с ним обходиться мы знали. Река здесь делает изгиб. Я и ещё один мужик сели в лодку, чтобы на середине реки взо-

рвать динамит, а оглушенную взрывом рыбу на берегу, куда прибывает течение, должен был собирать наш третий фронтовик, он был одноногий инвалид.

Как решили, так и сделали. Подожгли бикфордов шнур и бросили динамит в реку за лодкой, а динамит оказался легким, короче, не тонет, а плывет, точно привязанный, за лодкой. Мы налегаем на вёсла, а он за нами. В последний момент я успел крикнуть своему другу: «Прыгай!», и тут же раздался взрыв, лодка в щепки, а мы в воде. Как доплыл – я не помню, был оглушен, в одежде. Отхаживали на берегу. Наш друг потом смеялся: «Ждал рыбу, а попались два идиота». Он, конечно, назвал нас более сильно. Это я тонул первый раз».

– Ну, прямо «Пёс Барбос и необыкновенный кросс», только на воде – вспомнили мы фильм Гайдая.

– Второй раз было так. Здесь рядом есть озеро, оно маленькое, но очень глубокое. Глубина больше пятнадцати метров. Ранняя весна, только-только сошел снег, и стала прогреваться земля. Я хотел проверить кое-какие рыболовные снасти, оставленные в озере, и, почти на такой же лодке, как вчера, переправлялся через озеро. Уже ближе к берегу увидел плывущую по воде гадюку. И черт меня дёрнул, ударить по ней веслом. В результате я вижу, что с весла, которое я поднял из воды вверх, она падает прямо на меня. Я инстинктивно шарахнулся и вывалился из лодки в воду. В результате я в воде, в одежде, в болотных сапогах, а змея –

в лодке. И до берега всего метра два, и доплыть нет сил и хвататься за борт лодки страшно. Как спасся – не знаю, но нахлебался вдоволь.

– Ну, вот, а с вами это был третий раз, надеюсь последний – закончил он свой рассказ.

Нам так понравилась эта стоянка, что мы разленились и решили постоять ещё здесь и отсюда вернуться в Шарью; наш новый знакомый сказал, что до дороги здесь недалеко, к тому же еженедельно по понедельникам и пятницам здесь проезжают мелиораторы, а с ними можно договориться и они подбросят вас до Шарьи. Подумав, мы решили: от добра, добра не ищут, и остались еще на несколько дней, о чем опять же не пожалели.

Одним утром я, вылезая из палатки, сразу у входа натолкнулся на уже довольно большой белый гриб-красавец.

– Как же так – подумал я – ведь мы вчера до самого вечера лазили в палатку и Лариса, и дети, и я. Никто не видел здесь этого гриба.

Когда я поднял глаза и осмотрелся вокруг, то я увидел их столько, сколько я, наверное, не видел за всю жизнь. Я разбудил Ларису, проснулись и ребята, все кинулись собирать грибы. К девяти часам утра весь стол был завален большими чистыми белыми, видимо они прорастали сквозь мох уже большими.

– Всё – сказал я детям – грибов больше не брать!

Весь день мы перерабатывали урожай, я изготавливал рамки из ветлы, нанизывал грибы на нитки, закреплял на рамки, развешивал рамки на сучьях сосен и сушил их на солнце и на ветру. Часть грибов Лариса отварила, и мы, как белые люди, ели белые грибы и пили чистый отвар из-под них.

В день отъезда, когда мы уже шли к машине мелиораторов, любезно согласившихся довезти нас до Шарьи, дети по дороге насобирали ещё белых грибов. Лариса взяла их с собой в Москву, хотя у нас и так было громадное количество багажа, и мы едва могли его тащить. В Москву мы приехали рано утром – я с детьми, с двумя байдарками на спине и на тележке, шел впереди, Лариса с громадным рюкзаком и грибами, которые она несла в руках в отстёгнутом капюшоне от штормовки, отстала сзади. Через некоторое время я обернулся и не увидел её. Не дождавшись её, вернулись назад и вот, среди толпы шагающих пассажиров, я увидел нашу маму, стоящую на четвереньках, склонившись над кучкой белых грибов. Издали она напоминала большую собаку, охраняющую свою миску с едой. Я подошел, но она продолжала стоять на четвереньках.

– Ты, что? Что ты здесь стоишь в такой героической позе? – спросил я.

– Да, вот эти грибы. Я их уронила и хотела поднять, на коленки-то опустилась, а встать не могу. Не хватает сил,

ну очень тяжелый рюкзак. Я боялась, что вы оставите меня здесь с этими грибами.

Мы дружно подняли маму на ноги, вместе дотащились до такси и скоро были дома. И несколько лет мы ели грибной суп, вспоминая наше прекрасное путешествие по Ветлуге.

– А вы-то помните? – спросила Лариса ребят.

– Да, я помню – ответил Илья

– Я тоже – поддержал его Лёня, как нам показалось из солидарности. Ведь лет-то ему тогда было всего шесть.

– Лёня у нас опытный байдарочник. Первое своё путешествие он осуществил у мамы в животе за месяц до рождения.

– Да, с приключениями – вспомнила мама.

– В выходные дни в конце апреля мы путешествовали по реке Протве – вспомнил я – и надо же было перевернуться нам в ледяную воду.

– Ну да, мы потеряли бдительность. Наши друзья Валера и Лера с маленькой Людой, ей было тогда, как сейчас тебе Илюша – продолжила мама – не заметили проволоку натянутую над водой. Местные жители ей закрепили опору моста, чтобы во время весеннего паводка не снесло мост. Вот, когда они пытались уклониться от поздно замеченной проволоки, их течением прижало к опоре моста, байдарка сложилась пополам, а они оказались в воде. Мы плыли рядом, и папа схватил Люду, чтобы ей помочь. Наша байдарка накренилась и тоже перевернулась. Так что и я с Лёней оказалась в воде – мама завершила свой рассказ.

– Потом мы ночевали в деревне недалеко от места крушения. А на следующий день мы с трудом доплыли до Боровска, в котором тогда были в первый раз. Мы и не предполагали, что через много лет этот город станет нашей второй родиной. И очень поздно вечером вернулись в Москву. Так что своё боевое крещение Лёня получил раньше всех – рассказали мы ребятам эту историю.

24. Автопробег по Крыму.

Зимой 80-го года руководители предприятия и наш славный профком выделили мне для покупки автомобиль нашего знаменитого тольяттинского завода. И не какую-то там копейку, а Ладу последней – тринадцатой! – модели. Думать, в то время всеобщего дефицита, было, в глазах окружающих, дурью и блажью. Занял деньги и купил. Ну а летом отпросился у начальника в отпуск, хотя бы на 24 дня, из положенных мне тридцати шести. Как говорится, и за это спасибо.

Тут мы решили изменить своему байдарочному прошлому в пользу автомобильного туризма. И поехали всей семьёй в Крым. Это путешествие было первым. Потом их было много, но самое памятное, как обычно, первое. Дорога не была короткой, переночевать заехали к моей тёте Соне в деревню Верхняя Медведица недалеко от Курска. Утром, провожая нас, дядя Ваня, принёс нам в дорогу мешок картошки.

Как мы не отказывались, наши дорожные запасы пополнились, а позже, потом, доедая вкусную деревенскую картошку, мы добрым словом вспоминали наших замечательных, дальновидных родственников. Жизненный опыт – великая сила. Картошка нам очень пригодилась.

Как оказалось, в Крыму нас никто не ждал. Даже въезд в Феодосию на машинах с московскими номерами был запрещён. На въезде был пост ГАИ, там нас и развернули, а заодно сказали, что гостиницы Феодосии переполнены. В других близлежащих городах то же самое. У нас была палатка, и мы пытались приткнуться где-нибудь на берегу моря, но с моря нас тут же засекали пограничники, сообщали в милицию, которая быстро появлялась и гнала нас прочь.

Забившись в невидимую с моря щель, переночевали, потом добрые люди подсказали, что недалеко от Судака есть местечко Капсель с автостоянкой и со свободными местами. Там мы и обосновались. Чуть позже к нам присоединился наш друг Володя с маленькой шестилетней дочкой Олей. Под палящим солнцем, с саженцами акаций высотой до метра, на берегу моря с галечным пляжем расположилось около тысячи таких же «романтиков» автопутешествий, как и мы. От КПП до самого моря, куда хватал глаз, машины, палатки, машины, палатки. Каждой семье одно машиноместо: место для машины и место для палатки.

Наш лагерь мы окрестили «лагерем палестинских бе-

женцев». Через каждые три метра новые соседи, которые менялись очень быстро, Круглосуточно кто-то уезжает, кто-то приезжает. Из «капитальных» построек только КПП на въезде, многоочковый туалет, разделённый на две зоны «М» и «Ж», труба с водой и с кранами и корытом для умывания, да ещё кухня – небольшое здание с одним длинным бетонным столом, разделённым вдоль и поперёк на ячейки для размещения примусов. Однако, некоторые орлы автомобилисты использовали для нагрева паяльные лампы. Как-то мы с Володей, который всегда ходил в шортах, на кухне варили картошку, а с другой стороны напротив нас автоорёл что-то варил в кастрюле с помощью паяльной лампы. Он накачал её, и длинное пламя с шипением било в металлический бок кастрюли. Чтобы проверить готовность блюда, наш визави, не уменьшая пламя, поставил паяльную лампу под стол. Внезапно запахло палёной курицей, а Володя отпрыгнул от стола. Оказалось, что палёной курицей пах он. Автомобильный орёл так накачал свою лампу, что она своим длинным пламенем опалила ему волосы на ногах.

Наблюдательный человек, такой как наша маленькая Оля, в однообразии этого лагеря могла увидеть много забавного. Иногда с маленьким бидончиком за водой она ходила по часу. Мы видели, как она, сделав несколько маленьких шагов, останавливалась и, открыв рот, смотрела на обитателей машиномест.

И действительно, три шага – играют на гармошке, ещё

три шага – пьют водку, вино и поют, еще три шага – уже напились и ругаются, ещё немного – бортируют колеса и меняют фильтры, и этому разнообразию нет конца.

Одним из развлечений некоторых обитателей нашего прибежища был сбор белой гальки на берегу моря. В рюкзаках днями они таскали гальку на окружающие нас холмы и увековечивали себя, выкладывая крупными буквами галькой, монументальное, типа «Мы из Белгорода» (Киева, Харькова, или из других мест нашей великой страны).

Однажды рано утром, часов в шесть мы услышали крики женщины. Мы быстро вылезли наружу и увидели картину: соседская женщина, машина которой готовилась к отъезду, кричала на какого-то мужика, который, видимо потерял бдительность и, не дождавшись отъезда владельцев, с утра пораньше перекладывал надпись, сделанную родственниками этой женщины, на свой лад. Этот тип, по её понятиям, хотел увековечить себя «на халяву», то есть за их счёт. В тишине раннего утра над всей автостоянкой укором гремел её мощный голос:

– Ты, гад, что делаешь!?! Стой! Положь гальку на место, скотина! Ты что ли таскал её с моря!?! Я сейчас позову мужиков, они тебе харю начистят!

Видимо этот мужик в её понимании, замахнулся на святое и вечное.

Но уж через час эта женщина со своими мужиками съехала со стоянки, оставив святое и вечное на произвол судьбы.

Нашими соседями на неделю оказалась семья военно-служащего из Подмоскovie. Познакомились и дети, и взрослые. Несколько раз сидели вместе за столом. Симпатичная семья. Глава семьи – майор по званию – рассказывал о своей службе, он был военным строителем. Иногда мы вместе двумя машинами ездили осматривать местные достопримечательности. Недалеко от автостоянки нашли озеро, куда для разнообразия несколько раз ездили купаться.

– Все на море, а вы на озеро? Ха-ха! – смеялись окружающие.

Потом мы вспоминали, как Лёня с соседским мальчиком его возраста гулял в ластах вокруг озера. Они увлеченно разговаривали, а издали было видно, как Лёня шагал, высоко поднимая ноги, выбрасывал вперёд и резко ставил их на землю, как бы печатающая шаг.

Как-то зашел разговор о моей работе, и я сказал, что работаю на предприятии «Астрофизика», а сосед неожиданно оказался любителем астрономии. Я же не мог рассказывать ничего о своей фирме и работе, так как наша секретная фирма, хоть и называлась «Астрофизика», к науке не имела прямого отношения. Пришлось наводить «тень на плетень», рассказывая о звёздах, о которых вообще-то я мало что знал. Плёл о двойных звёздах, вечером показывал созвездия, рассказывал о звезде Алькор. Он внимательно слушал, но потом

как-то спросил, много ли людей работает на фирме, и сколько платят за нашу работу. Я назвал какие-то цифры. Тогда он подумал и сказал, и видно было, что это идёт из самой глубины его души:

– Сколько же у нас в стране бездельников!

Мы возвращались из Крыма, замученные отдыхом. Запомнилась жара, жара, автомобили и очередь в маленький магазинчик на автостоянке. Наконец-то домой! Нас в жигулёнке шесть человек: трое взрослых и трое детей. Машина нагружена «под завязку».

Уже проехали Калугу, ещё немного и Москва. После этого отпуска скорее хочется домой. И вдруг нагоняем движущуюся довольно медленно в попутном направлении колонну танков. На встречной полосе свободно. Обгонять, не обгонять? Решил обгонять. Грузенная машина разгоняется очень медленно. Наконец скорость для обгона достигнута, вперёд. Почти вся длиннющая колонна позади, но вот на встречной полосе показалась машина. Выхода нет, встраиваюсь в колонну в узкий промежуток между первым и вторым танком. Перед носом мотаются гусеницы и сзади, почти на багажнике – тоже. Кому не хватает адреналина – попробуйте!

На работе меня сразу встретили вопросом:

– Вы где были?

– Отдыхал в Крыму, ездил туда на машине.

– Точно отдыхали? По вашему виду этого не скажешь!

Больше похоже, что вы вкалывали на шашке.

25. И ещё кое-где.

В промежутке между 80-м и 90-м годами мы ездили на автомашине в отпуск довольно часто. И, чтобы закончить автомобильную тему, я позволю себе вспомнить ещё одну поездку. Это было летом 87 года. Наш путь лежал в город Кишинёв через Бердичев. Там в учебном полку начинал службу в армии наш старший сын Илья, и мы хотели заехать к нему на присягу. Путь был неблизкий, с двумя ночевками: под Киевом и в Бердичеве.

Итак, ранним августовским утром мы, это я, моя жена Лариса и младший сын Лёня, на той же Ладе тринадцатой модели стартовали с дачи из-под Боровска по Киевскому шоссе в сторону Бердичева. Нам надо было, преодолев путь более чем в тысячу километров, прибыть в назначенный срок. Еще не доезжая Калуги, то есть утром, на перегибе дороги вижу логично поставленный знак «Обгон запрещён». А впереди, попыхивая выхлопной трубой, медленно движется трактор. За трактором поднялись в верхнюю часть перегиба, и открылась совершенно свободная дорога.

Из опыта я знал, что именно в этих местах в засадах сидят инспектора ГАИ, а трактора сотрудничают с ними, но

время поджимало, и я решился на обгон. И конечно внизу поджидал потирающий руки, радостный инспектор. Взял документы, мы пошли в домик автоинспекции, я отдал деньги и быстро в машину – время не ждёт.

День в пути, и вечером мы подъезжаем к населённому пункту Вертиевка, что уже недалеко от Киева. Так как я там бывал много раз, то знал, что в Вертиевке скорость ограничена. Я снизил скорость до шестидесяти километров. Тем не менее, на выезде меня останавливает старшина и говорит, что я нарушил, так как здесь скорость сейчас ограничена до пятидесяти километров. Потребовал документы, я дал права, а тех паспорт найти не могу! И тут я вспомнил, что он остался в руках у инспектора, который остановил меня утром.

Я сказал старшине. Тогда он позвал лейтенанта и отдал ему мои права. Уже убитый горем, пересказал офицеру историю с документами, рассказал, что еду на присягу к сыну и спросил, нельзя ли связаться с тем постом ГАИ и попросить переслать техпаспорт сюда. Офицер, хороший человек, посочувствовал, сказал, что связи с тем постом нет, и никогда не было. Узнав, что мы планировали ночевать в палатке, посоветовал, где переночевать лучше. Ну а утром, сказал он, езжайте так, как будто у вас все документы есть.

Так, спасибо этому человеку, мы попали куда планировали, даже, хотя и без документов, рискнули заскочить к родственникам жены под Кишинёв, а через две недели, воз-

вращаясь домой, остановились у того самого, злополучного поста ГАИ.

На посту замок, но, как сказал, местный водитель грузовика, к обеду здесь кто-нибудь да будет. В ожидании разложили на капоте перекус – бутерброды, чай. Вскоре к посту подкатила машина ГАИ, я подошел к офицеру и попросил вернуть мне техпаспорт, объяснил, что мой отпуск уже заканчивается, и пора вернуться в Москву.

Офицер стал ругать меня, сказал, что без документов я не имел права ездить, и что теперь он оштрафует меня, но на это я тут же ответил, что мы люди ответственные, никуда и не ездили, а отдыхали две недели вот тут, на обочине дороги, что сейчас у нас здесь последний обед, и поэтому мы ничего не нарушили. Поворчав ещё и поняв, что денег ему не получить, он вернул техпаспорт.

Теперь, мысленно возвращаясь в прошлое, я думаю, что же было общим в путешествиях того времени? Было хорошее, доброе отношение водителей друг к другу – шофёрское братство. На узких шоссе, с перегибом дороги, в условиях ограниченной видимости, водители впереди едущих фур, которым дорога была видна лучше, взмахом руки показывали:

– Можно обгонять, дорога свободна.

И ещё общим был громадный дефицит бензина. На большинстве бензоколонок замки, спасали канистры с бен-

зином в багажниках.

26. Дача.

После автомобиля, ещё одно из «благ» досталось мне. Нам выделили недалеко от уездного города Боровска участки земли по шесть соток под дачи. Когда мы, счастливицы, избранники судьбы, приехали на принадлежащие нам участки, то увидели много пней со спиленным лесом. На моих 6 сотках их оказалось около ста штук. Недалеко от нас получили участки начальники: главный инженер, главный конструктор, секретарь парткома, председатель профкома и ещё несколько избранных. У них были участки больше и готовые к застройке.

Как-то раз ко мне на участок заглянул главный конструктор. Мы присели с ним на брёвнышко под ёлкой, жена принесла нам пива, стаканчики и какую-то нехитрую закуску. Виктор Константинович, так его звали, осмотрел мой надел и сказал:

– Эти пни тебе не выдернуть за всю твою жизнь.

Пили пиво, говорили о том, о сём. И вдруг он увидел, как мой сосед, у которого осталась одна неспиленная высокая берёза, закидывает на нижнюю ветку верёвку. Ветка довольно высоко, и у него не получается. Но он упорно повто-

ряет попытки. Виктор Константинович спрашивает:

– Кто это?

– Заместитель главного механика.

– А чего это он там делает?

– Верёвку хочет зацепить.

– Зачем?

– Не знаю.

– Как ты думаешь, он тут часом у нас на глазах не решил повеситься?

Я чуть не подавился от смеха. Виктор Константинович был не только человеком с большим жизненным опытом, он был острослов. А пни мы всей семьей все же за лето выдержали.

Получив участки, все с энтузиазмом принялись за их освоение. Благодаря моим родственникам: тестю Тимофею Прокофьевичу и тёще Анне Дмитриевне, самоотверженно трудившимися там, несмотря на суровые полевые условия, мы скоро построили своими руками сначала маленький домик, а потом к девяностому году и дачный двухэтажный дом.

Каждую субботу и воскресенье мы с детьми проводили в трудах на даче, частенько отбиваясь от самостийных строителей, слетавшихся на наше садовое товарищество, как мухи на мёд, предлагавших построить всё на наш выбор: как мы хотим «или капитально, или навек».

27. Трудный путь на дачу.

Ехали с Ларисой на дачу. Разгар лета. Жара. Пятница. Киевское шоссе. Время около шести вечера. Только что проехали Апрелевку, и плотный поток машин сузился и превратился в сплошную медленно движущуюся ленту. Расстояние между машинами не более одного-двух метров. Едут все предельно внимательно, понимая, что любая, даже мелкая авария, превратит дорогу в сущий ад. И, вдруг, получаю несильный удар в задний бампер машины. Включаю аварийку, останавливаюсь и выхожу из машины для осмотра повреждений.

Сзади старенький Мерседес, въехавший в меня. Выходит водитель – молодой парень, извиняясь, говорит, что не рассчитал маневра перестроения. Осмотрели повреждения, они, к счастью, оказались незначительными. На пластиковом бампере была слегка ободрана краска. Я спросил водителя, знает ли он цену покраски. Он ответил, что у него есть только полторы тысячи рублей и предложил эту сумму и разойтись, не вызывая дорожную полицию. Я согласился, так как мая-

чила перспектива потерять здесь весь вечер, нутром ощущая «дружеские» посылы коллег автомобилистов, преодолевающих возникшую рукотворную «пробку».

Я взял деньги, и мы продолжили путь. Моя жена, соригинированная мною же, (что, несомненно, было моей ошибкой) в цене покраски, стала ворчать, что я непрактичный человек, и как всегда продешевил. К вечеру добрались до дачи.

На следующий день к нам зашёл мой друг, автомобилист со стажем, хорошо разбирающийся в ремонтных делах. Я рассказал ему о вчерашнем приключении.

– Где? Я не видел, я же проходил мимо твоей машины... Пошли, покажи.

Мы вышли к машине. Он внимательно осмотрел и спросил:

– Так где? Я не вижу.

Я ткнул пальцем в царапину на бампере.

– Сколько взял?

– Полторы тысячи. У него больше не было. Лариса меня ругала, что я продешевил. Но не сидеть же мне там весь вечер.

– Да, сказал мой друг, молодец, ты... настоящий еврей.

Сходная ситуация. Едем на дачу. Разгар лета. Жара. Пятница. Киевское шоссе. Время около шести вечера. Медленно движемся в пробке недалеко от поста ГИБДД в Балабаново. Метр – встали, метр – встали. Поглядываю в зеркало

заднего вида. Сзади пожилой солидный водитель на Форде.

– Солидный, аккуратный – подумал я.

Так движемся уже полчаса. Вдруг удар сзади. Останавливаюсь, включил аварийную сигнализацию. Выхожу я и водитель Форда. Он говорит:

– Извините коллега, целый день за рулём. Жара. Короче проморгал. Что делать будем? Хотите, вызывайте милицию, но часа два проторчим здесь.

– Да, не лучшее место и время для разборок – согласился я.

– Может быть, деньгами возьмёте, но у меня только тысяча.

Я ещё раз осмотрел бампер и решил:

– Ладно, давайте деньги.

Едешь слева,

Едешь справа,

Едешь точно посреди,

Едешь быстро,

Или тихо,

Что пешком быстрее идти!

Как ни ехать, посуди

Всё равно не избежать

От товарищей попутных

Сзади в бампер получать!

– Если тебя немножко встряхнуть, то кое-что от тебя можно получить – подвела итог Лариса.

На следующий день, когда ко мне зашел всё тот же мой друг, я рассказал ему эту историю. Он опять же внимательно осмотрел бампер и сделал вывод:

– Вешай ценник: "Причал для дураков" Цена от 1500 руб. Для пенсионеров скидка!